

INSPIRIA

Последний Романтик

«Многогранная, реалистичная
семейная драма»

Real Simple

«Широкий взгляд на то, что
объединяет современные семьи»

Glamour

Тара
Конклин

INSPIRIA

Novel. Семейный альбом

Тара Конклин

Последний романтик

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Конклин Т.

Последний романтик / Т. Конклин — «Эксмо», 2019 — (Novel. Семейный альбом)

ISBN 978-5-04-112053-5

«Последний романтик» — семейная сага нового формата. История четверых детей, которые рано лишились отца и, в некотором смысле, матери и теперь учатся справляться с вызовами современного, слишком быстро меняющегося мира. У них разные пути и разные судьбы, но только вместе им удастся преодолеть барьеры на пути к становлению личности. Увы, не каждому дано пройти этот путь. «Сила и хрупкость родственных уз и непрестанно эволюционирующая мощь любви лежат в основе романа. «Последний романтик» говорит о вечных проблемах с изяществом и оригинальностью». — Washington Post «Последний романтик» — трогательная, захватывающая, яркая история для интеллигентного, тонко чувствующего читателя». — USA Today «Роман с идеальным темпом и сюжетом». — Booklist «Многогранная, реалистичная семейная драма». — Real Simple «Широкий взгляд на то, что объединяет современные семьи». — Glamour

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-112053-5

© Конклин Т., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

2079 год	5
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	34
Часть II	42
2079 год	42
Глава 5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Тара Конклин

Последний романтик

Посвящается памяти Луэллы Броди Конклин и Кеннета Джерома Конклина

Моим сестрам

*За ватой скрыт узор; все мы – я имею в виду все человечество –
вплетены в него; весь мир – произведение искусства; все мы – части этого
произведения. Гамлет или квартеты Бетховена являются истиной в
пустой массе, которую мы зовем этим миром. Но не существует
ни Бетховена, ни Шекспира; и, уж конечно, особенно не существует
никакого Бога; слова – это мы; музыка – это мы, мы и есть сама
сущность.*

Вирджиния Вулф
«Моменты бытия»

Погоди, они же не любят тебя так, как люблю я.
«Йе Йе Йес»¹

2079 год

Сначала мне показалось, что эта девушка – видение. Призрак. Она возникла откуда-то из толпы в зале и подошла к микрофону.

Я замерла. Последние полтора часа я сидела на сцене, обсуждая свои произведения. Вечер проходил вполне успешно, даже несмотря на то, что я всегда боюсь толпы. Аудитория была вежливой, интеллигентной, любознательной. Я даже сумела рассмешить их. Шуткой о лягушке, хотя, казалось бы... Мы всего раз услышали вой сирен, и то ненадолго, когда я сделала паузу во время чтения. Мы подождали, все несколько тысяч человек, сидящие в аудитории, и тысячи, смотрящие нас по спутниковым каналам. Мы подождали, сирены затихли, и я продолжила чтение поэмы.

Потом стали задавать вопросы. Столько вопросов! Это было мое первое публичное выступление за двадцать пять лет – конечно, у людей накопились вопросы, но я не была готова к их глубине, к тому, как тщательно люди читали мои произведения. Даже после восьмидесяти лет этого литературного эксперимента меня все еще поражает, что мои слова могут иметь значение для кого-то, кроме меня самой.

Мне сто два года, и я довольно известная поэтесса. Меня зовут Фиона Скиннер.

В момент, когда девушка вышла вперед, я несколько отвлеклась. Я уже устала. Я думала, какое лакомство припас для меня Генри там, за сценой, и надеялась, что это будет мой любимый леденец с арахисовым маслом внутри. Я думала о других удовольствиях – высокая мягкая кровать в моем доме в горах, форель, плещущаяся в реке, глубокий, прохладный колодец, успокаивающий, мерный шум генератора. У нас там никогда не слышно сирен, нет, ближайший город слишком далеко. Наш дом – надежное, безопасное место, куда не доходят ни политика, ни поднимающийся уровень океана. По крайней мере, я предпочитаю думать именно так. Вполне возможно существовать в окружении определенного количества иллюзий, так глубоко веря в существование невидимых вещей – безопасности, Бога, любви, – что ты начина-

ешь придавать им зримую форму. Кровать, крест, муж. Но даже воплощенные, идеи все равно остаются идеями и потому очень хрупки.

Девушка у микрофона являла собой захватывающее зрелище – высокая, стройная, с темным, графично выстриженным каре до подбородка. Она выглядела лет на восемнадцать, может быть, двадцать. Так что не девушка, почти женщина.

Толпа затихла. Она кашлянула в ладонь.

– Миссис Скиннер, – начала она, – меня зовут Луна.

– Луна? – переспросила я, и у меня перехватило голос и замерло дыхание. На какой-то момент я перенеслась на много лет назад, в другое время и место. «Наконец-то, – подумала я. – Луна вернулась».

– Да. Мама назвала меня так в честь последней строки в «Поэме Любви», – сказала она.

– Да, конечно, – улыбнулась я.

Генри рассказывал мне об этом, о популярности этого имени. «Поэма Любви» оказывала этот эффект на некоторых читателей. Им хотелось оставить себе ее частичку. Так что передо мной стояла одна из этих выросших малюток. Еще одна Луна.

Лицо девушки было наполовину в тени. Я заметила у нее на правой скуле родинку размером с гривенник. Родимое пятно. Темный поцелуй.

– Мама всегда хотела спросить вас про это имя, – продолжала Луна. – Она выучила последние страницы наизусть еще в школе. Когда мы с братом были маленькими, она читала их нам за едой, если нам было грустно. – Ее лицо смягчилось при этом воспоминании. – «Поэма Любви» так много значила для нее. И я – ради мамы – тоже хочу это узнать. Кто стал вашим вдохновением? Кем была Луна?

Зал замер. Лампы на сцене были раскалены, но меня охватило холодом, словно по моим венам тек лед. Я задрожала. На лбу, вдоль линии волос, выступили капли пота. Я всегда отказывалась публично отвечать на этот вопрос. И частным образом тоже; даже Генри не знал всей правды. Но, конечно же, я должна была быть сегодня готова к нему. Не потому ли я согласилась выступить в последний раз? Не для того ли я сейчас была здесь? Чтобы рассказать наконец эту историю.

Давние сожаления застряли в моем горле, лишив голоса. Я откашлялась.

– Луна – это, конечно, испанское слово, обозначающее *луну*, – сказала я. – В самой поэме скрыто много метафор, много символов, обозначающих различные вещи. Я, дорогая моя, написала ее семьдесят пять лет назад. Твоя мама, ты и все здесь, – я помахала залу рукой, – вы все знаете, что поэма теперь значит гораздо больше, чем я сама.

Луна, стоящая передо мной, расстроено покачала головой. Ей на глаза упала прядь волос, и она отбросила ее.

– Нет. Я имела в виду настоящую женщину. Мама всегда говорила, что был кто-то, кого звали Луна.

Я выпрямила спину и услышала, как от этого движения у меня внутри хрустнули кости. Я не часто оказывалась на виду. Дома у меня были садовник, личный ассистент, домоправительница и кухарка. Я жила с Генри, вторым мужем, но именно я управляла домом и отдавала распоряжения. Кто-то может назвать меня властной, я же предпочитаю считать это уверенностью в себе. Девочка тоже была уверена в себе, я видела это в развороте ее плеч, в сжатии губ.

Как описать ту, первую, Луну? Я видела Луну Эрнандес только однажды. В ту ночь, когда ветер сорвал и бросил на дорогу три ветви, а листья кружили свой безумный хоровод. Десятилетия, целую жизнь назад. Та Луна росла и менялась в моем воображении, пока почти не исчезла из виду. Были ее глаза карими или серыми? А родинка, была она на правой или на левой скуле? Что читалось на ее лице той ночью – сожаление или просто пренебрежение?

– Я написала поэму о любви, – начала я, обращаясь к толпе. – Но тут есть некоторые ограничения. Определенные недостатки. Видите ли, сама я всегда опасалась любви. Ее обещания

слишком головокружительны, причины неясны, а истоки – грязнее грязи. – Тут я услышала раздавшийся из зала смешок. – Да, грязи! – воскликнула я в направлении этого смешка. – Когда я была молодой, то пыталась препарировать любовь, разложив ее на столе под ярким светом, потыкать, рассмотреть и разобрать на составляющие. Годами я считала, что возможно выделить ее основу и ядро, а найдя этот главный элемент, возвращать его, словно розу, и получить в результате нечто прекрасное. Тогда я была романтиком. Я не понимала, что предательство невозможно предотвратить. Даже если прожить достаточно долго и правильно для того, чтобы узнать любовь, все ее проявления и темные стороны, то все равно ошибешься. И разобьешь что-то сердце. В сказках не говорится об этом. И в поэзии тоже.

Я замолчала.

– Вы не отвечаете на вопрос, – сказала Луна.

Она стояла, скрестив руки на груди и опустив голову.

– Я расскажу вам историю, – ответила я. – В наши трудные времена истории очень важны. В некотором смысле истории – это все, что есть у нас для того, чтобы понять наше будущее.

Луна отодвинулась от микрофона. Она внимательно слушала, и все слушали, слегка наклонив вперед плечи, с вниманием и любопытством.

– Однажды, давным-давно, – начала я, – жили-были отец и мать, и четверо детей, три девочки и один мальчик. Они жили все вместе в доме, таком же, как и все другие дома, в маленьком городке, таком же, как все другие городки, и до поры до времени были счастливы. – Я замолчала, и все лица в зале, все эти глаза уставились на меня. – А потом... – Я сбилась и снова замолчала. Отхлебнула воды из стакана. – А потом наступила *Пауза*. Тогда-то все и началось. Наша мама не хотела, чтобы так вышло, нет, но это история про ошибки и провалы любви, и *Пауза* была самым первым, что случилось тогда.

Часть I Бексли

Глава 1

Наш отец умер весной 1981 года. Эллис Эвери Скиннер, тридцать четыре года, небольшая лысина на затылке. Каждое утро он старательно прикрывал ее несколькими прядями. Мы жили в небольшом городке Бексли, Коннектикут, где у нашего отца была зубоврачебная клиника, там он и работал. В момент, когда его сердце остановилось, он как раз натягивал пару голубых резиновых перчаток, а его утренняя пациентка, миссис Липтон, лежала перед ним на откинутах кресле, глубоко дыша в маске со сладковатым хлороформом.

– Ох, – произнес отец, боком оседая на пол.

– Доктор Скиннер? – Миссис Липтон приподнялась в кресле. Она была сонной и вялой, но, увидев отца на полу, испугалась.

Он дернулся раз, другой, и тут миссис Липтон завизжала.

Выражение его лица, как она позднее рассказывала нашей матери, было покорным и невероятно измученным.

Нашей матери было тридцать один год. Она никогда не работала, и ее диплом по английской литературе, полученный в Университете штата Мэн, так и лежал в комодке наверху. Темные волосы, как две гладкие занавеси, обрамляли окно ее лица. У нее были большие карие глаза с густыми ресницами и тонкими веками, которые придавали ее взгляду внимательное и незащитное выражение. Ее звали Антония, но все называли ее Нони, и еще задолго до моего рождения было решено, что дети тоже будут звать ее Нони.

Отца хоронили сырым мартовским днем. Президентом был Рональд Рейган, тянулась «холодная война», «Звездные войны» заставляли нас всех верить в присутствие каких-то невидимых сил. Бексли тогда был городом, где жители приветствовали друг друга по имени, встречаясь на почте или в банке, и никого не волновало, кто беден, а кто богат. Врач и фабричный рабочий приходили к отцу лечить зубной канал, а потом шли вместе пить пиво в местную таверну. По восточной окраине города вилась темная речка Пуннел, и нам было чем заняться там в летние дни. Это еще была эра, когда идея попасть в Нью-Йорк за девяносто минут казалась абсурдной, так что люди, жившие в Бексли, в основном в Бексли же и работали.

Неудивительно, что на похороны отца пришли почти все жители города. Мне казалось, их были сотни. Тысячи. Нони провела нас сквозь этот жуткий день, железной хваткой сжимая две из наших восьми ладоней. Время от времени она их меняла, никого не выделяя. У нее было четверо детей, и всем нам нужно было чувствовать тепло ее руки.

Рене, старшей из нас, было одиннадцать. Длинные, тонкие ноги, каштановые волосы, заплетенные в спадающую по спине косичку. Даже в детстве Рене источала уверенность и сдержанность, и на похоронах она была верна себе. Она не плакала и никому не причиняла беспокойства, даже когда у нее порвались колготки. Она помогала Нони со всеми нами, младшими, и старалась не смотреть на гроб.

После Рене шла Кэролайн, которой было восемь, а затем Джо, которому было семь. Кэролайн была самой хорошенькой, с розовыми щеками и светлыми волосами, которые летом выгорали добела. Джо был единственным мальчиком, с длинными руками, большими ногами и упрямо торчащей справа челкой, которую он постоянно откидывал от лица. Джо и Кэролайн оба были смуглыми, с гладкой ровной кожей и быстрыми, широкими улыбками. Их так часто принимали за близнецов, что иногда они и сами забывали, что между ними был год разницы.

Ну а самой младшей была я, Фиона. В день похорон отца мне было четыре года и восемь месяцев. Я была пухлым ребенком с пухлыми коленками и непослушными рыжими кудрями, которые вились и пламенели вокруг моего веснушчатого лица. Моя внешность настолько ярко контрастировала с моими изящными золотистыми сестрами и братом, что соседи поднимали брови. Перед глазами до сих пор проносятся все эти качания головой, тени сомнительных сплетен. Добро пожаловать в Бексли, штат Коннектикут. Новоанглийский рабочий класс в своей крахмальной пуританской этике. Их ногти могли быть грязными, но души были чисты. После смерти отца все слухи немедленно прекратились. Вдовство вычеркнуло все домыслы о неверности. В своем горе Нони стала безупречной, неприкасаемой.

Я почти не помню отца живым, но день его похорон я запомнила в мельчайших деталях. На кладбище над гробом летала стая ворон. Наш священник, отец Джонс, говорил речь с интонациями, которые взлетали и падали, словно штормовые волны; я не могла понять ни слова. Земля была оттаявшей и мягкой, но кучки снега еще лежали под деревьями и с тенистой стороны мраморного мавзолея, который стоял на низком холмике позади могилы.

Мавзолей был похож на дом: передние ступени, острая крыша углом, подобия окошек. Он был настолько больше и представительнее того аккуратного надгробия, которое Нони выбрала для могилы отца. Мавзолей казался мне гораздо интереснее, чем отец Джонс, так что я удрала с похорон, обежала собравшуюся толпу и помчалась наверх, на холм. Камни мавзолея были темно-серыми, испещренными дождем и временем, капитальными и значительными. Наверху я прочла имя – ГАРРИСОН Х. КЛАРК. И ниже: ДОРОГОЙ ОТЕЦ, МУЖ, СЫН, БРАТ, КОЛЛЕГА, ДРУГ.

У подножия холма отец Джонс продолжал бубнить густым, унылым голосом. На расстоянии я наконец смогла различить отдельные слова:

– Слишком скоро... – Тяжкая ноша... – Не спрашивайте...

Нони стояла, склонив голову; она не заметила моего отсутствия. Нони была католичкой и понимала это коленями, которые болели от всех вознесенных молитв, но, как она осознала в тот день, не сердцем. Это было в последний раз, когда она исполнила все предписанные религиозные ритуалы, последний день, когда она склонила голову перед словами одетого в белое человека.

С моего места на вершине холма все скорбящие были похожи на ворон, только больших и тихих, рассеявшихся на изжелта-зеленоватом газоне, с пробивающейся весенней травой, который резко обрывался темной землей позади гроба. Я подумала, как мало места было на папином камне. Какой он был невзрачный, жалкий, не то что шикарный мраморный мавзолей Гаррисона Х. Кларка. И тогда, стоя под чужим именем, глядя вниз на похороны своего отца, я в первый раз за этот день расплакалась.

Мы жили в желтом трехэтажном колониальном доме на улице, засаженной склоненными кленами и дубами, которые усыпали ее желудями весной и сухими красными и рыжими листьями осенью. Наверх, к спальням, вела крутая скрипучая лестница, а в подвале слегка пахло плесенью и крахмальными простынями. На заднем дворе расположились железные качели и песочница, которую часто использовали соседские кошки, а также клумба с настурциями, лавандой, гардениями и клематисом, за которыми прилежно ухаживала Нони.

После похорон отца люди поехали к нам домой. Все прихожане нашей церкви и еще другие, которых я никогда раньше не видела, но которые знали меня по имени и наклонялись, чтобы сказать: «Фиона! Дорогая, Фи!»

Наша ближайшая соседка, миссис Грейнджер, взяв стопку картонных тарелок в пластиковой упаковке и еду в пластиковых контейнерах пастельных тонов, засутилась, расставляя их на обеденном столе. Я подумала, это странно, потому что, казалось бы, эта роль по праву должна была принадлежать Нони. Но она сидела на оранжевом диване, поднимая и опуская белый платок к лицу и коленям, к лицу и коленям, а незнакомцы опускались перед ней на

колени и склоняли головы, словно она оказывала им своего рода честь. И она была совсем не похожа на нашу маму.

Сочетание черного платья Нони с оранжевым диваном и белым платком напоминало мне Хеллоуин, и я ощутила странное, нелепое возбуждение. Почти истерику. Плюс вся эта еда. Везде! Миски зеленого винограда, ореховой смеси, твердых сливочных леденцов и чипсов. Блюда бутербродов с сыром и ветчиной, нарезанных аккуратными треугольниками, кубики арбуза, истекающие розовым соком на белую скатерть. Я похватила, что могла, и быстро все съела, не понимая, что можно, а что нельзя тут делать, и что будет дальше.

Скоро стало ясно, что, когда у тебя умирает папа, тебе можно все. Под столом я обнаружила Джо с целой миской конфет и тремя банками кока-колы. Кэролайн стащила с себя колготки и растянулась на полу, напевая что-то себе под нос. Рене сидела в кресле-качалке и сосредоточенно расковыривала ссадину на локте, не обращая внимания на взрослых, которые стояли перед ней, снова и снова обращаясь к ней по имени тихими, сочувственными голосами.

Я как сумасшедшая носилась по комнате. Я натыкалась на чьи-то зады и даже не извинялась. Я ковыряла в носу и вытирала палец о кофейный столик. Меня не останавливали, со мной не говорили, меня вообще не замечали. Свобода была утомительна. Пошатываясь, я забралась к Рене на колени. На ней были жесткое черное платье и черные чулки, которые она подтянула, когда я устроилась у нее на коленях. Ногой без туфли она раскачивала кресло взад-вперед, взад-вперед. Это движение укачивало меня, словно корабль в море или машина на неровной дороге. Именно так я всегда и представляла себе Рене – островок стабильности посреди общего беспорядка.

Когда это началось, я все еще была у Рене на коленях. Я не знаю, что вызвало у Джо приступ ярости. Я только знаю, что он схватил каминную кочергу из кованого железа, тяжелую, вымазанную сажей. Длинной примерно с бейсбольную битку.

Джо начал со столовой и яростно и неуклонно продвигался по всему дому. Он не бил людей, только вещи. Повсюду раздавался звук трескающегося дерева, бьющегося стекла, глухих ударов и звонких падений, когда он снова и снова опускал кочергу на стол, на кресло, на все это множество мисок и блюд с едой. Шум напугал меня, но я не плакала. Я слушала. Мы все слушали. Приглушенные разговоры и тихие слезы уступили место нервному, испуганному шиканью.

Хрясь. Он зашел в гостиную. Хрустальная ваза, полная леденцов, фарфоровая настольная лампа с холщовым абажуром, коллекция изящных стеклянных кошечек Нони – все было разбито и разлетелось по полу. Джо помедлил перед пианино, а затем нацелился на фотографии, которые стояли на нем: картинки того, чем мы, Скиннеры, были до сегодняшнего дня. Все шестеро: Эллис и Антония, Рене и Кэролайн, Джо и малышка Фиона. *Хрясь.* Все шестеро на ветреном пляже Новой Англии и перед рождественской елкой в мишуре, смеющиеся и позирующие, стоящие в обнимку, держащиеся за руки. *Хрясь.* Мы, дети с выпавшими молочными зубами, безликие младенцы, толстощеко выглядывающие из пеленок. Наши гордые и усталые родители, яркие, безупречные, прекрасные даже в своем клетчатом полиэстре. *Хрясь.* И все это исчезло.

Я ждала, что кто-нибудь остановит Джо, но никто этого не делал. В комнате раздавались лишь звуки разрушения, охи и испуганные вздохи, но кроме этого – тишина. Никто не произнес ни слова. Никто не шевельнулся, чтобы остановить его. Даже Нони оставалась на своем диване, с бледным потрясенным лицом. Я не понимала тогда и не пойму до конца своей жизни, почему наша мать не взяла из рук Джо кочергу, не обняла его, не сказала ему, что все будет хорошо?

Наконец Джо остановился. В свои семь лет он был уже полтора метра ростом. Его бледные лодыжки и бледные костлявые запястья торчали из одолженного у кого-то черного костюма. Пластмассовая пыль покрывала его волосы, плечи, кожу лица. Свободной рукой он вытер со лба пот.

И тут раздался мужской голос. До сих пор я не имею ни малейшего представления, кто это был, но можно сказать, что он изменил всю жизнь Джо, все наши жизни.

– Антония, – произнес голос. – Ну и удар у твоего парня. Прямо жаль, что он не играет в бейсбол.

Кто-то хихикнул. Заплакал ребенок. Джо с глухим стуком уронил кочергу. Рене спихнула меня с коленей и подошла к нему.

– Джо, – сказала она.

У него тряслись руки, и она взяла его руку в свои. Кэролайн, босая, пробежала через всю комнату и обхватила его руками. Я последовала за ней, спотыкаясь, как пьяная, от перевозбуждения и сонливости, и обхватила руками колени и ноги Джо.

Думаю, это и был момент, когда каждая из нас приняла на себя ответственность за нашего брата Джо. Обязательство любви длиною в жизнь, которое каждая из нас, по разным причинам, так и не выполнила. Мы будем пытаться: Рене в своей организованной, правильной манере, Кэролайн беспечно, с яркими всплесками энергии и следующими за ними периодами безразличия, и я, тихо и неуверенно, в предположении, что вовсе не нужна Джо, во всяком случае, не так, как он нужен мне. Спустя годы окажется, что это предположение было неверным. Но будет уже слишком поздно.

* * *

Первое, чем занялась Нони, когда вся еда с похорон была съедена, а мы вернулись в школу, было наведение справок про Малую бейсбольную лигу для Джо. Она считала, что может делать только что-то одно. Если она попытается исправить все сразу, ее ждет провал, она упадет и никогда уже не поднимется. Важно делать мелкие шаги. Так еще на похоронах сказала ей миссис Купертон, наша соседка и социальный работник. День за днем. Вычеркивай дела из списка по одному.

Нони боялась, что в жизни Джо будет не хватать явного мужского присутствия, и это опасение затмило все остальные. Ее поиски принесли ей имя известного в Бексли бейсбольного тренера, Марти Роача. Двадцать три года кряду он учил мальчишек природе командной работы и красоте хорошо забитого мяча. Нони рассказали, что его офис весь обклеен поздравительными открытками от бывших игроков, уже взрослых, которые разъехались по большим городам и сделали карьеру, но сохранили длительную привязанность к старому тренеру Марти. Это было то, чего хотелось Нони. Какого-то постоянства в жизни Джо.

– Похоже, набор уже закрыт, – сказали ей по телефону. – Но ради вас, миссис Скиннер, мы примем еще одного.

На первую тренировку Нони привела нас всех. Команда собиралась на футбольном поле Старшей школы Бексли. Оно было покрыто жесткой, вытоптанной травой и с севера огорожено забором из сетки. За ним росли густой кустарник и плотные заросли ежевики, перемежаемые соснами с заостренными верхушками. Постепенно сосны сгущались и переходили в лес, который покрывал холм Пакенсат, ближайшее приближение к горе, которым мог похвастаться Бексли. Старшеклассники любили, перепрыгнув забор, забираться в эти заросли, где курили, пили, жгли костры и занимались быстрым незабываемым сексом. Нони поглядела через поле на древесную чащу и увидела линию обороны, прочно сдерживающую наступающий хаос.

На поле стояли в ряд дюжина парней, а неподалеку от них – небольшая группа отцов. Воздух пах мокрой листвой и сладковатым запахом компоста, который лежал большими кучами вдоль южного края поля, приготовленный для весенних посадок. Сбоку стоял Марти Роач. Может, так казалось из-за созвучия с фамилией², но я в жизни не видела человека, кото-

² Cockroach (англ.) – таракан (прим. перев.).

рый бы так напоминал насекомое. Низенький и приземистый, с широкими плечами, темными густыми усами и крупными мясистыми руками. На белом куполе головы торчали редкие темные волосы, похожие на первые усики, что обычно пробиваются у мальчишек-подростков над верхней губой. Казалось, он был создан для выживания в тяжелых условиях, для поиска крошек, оставшихся в чистой кухне. Нони неуверенно пожала ему руку.

– Привет, Джо, – сказал он, наклоняясь и глядя моему брату в глаза. – Готов к игре? – И он указал головой на ряд мальчишек.

Джо кивнул и, отойдя от Нони, занял место в ряду.

– Ну, парни, – произнес Марти, широко разводя руки. – Сегодня первый день нашей команды. Мы все еще выучим наши роли. Как члены команды, вы научитесь полагаться друг на друга. Вы будете знать друг друга, как братья. – Тренер Марти замолк. – Но сегодня давайте просто немного позабавимся.

Мы сидели с Нони на трибуне и смотрели, как мальчишки неловкими, неумелыми движениями швыряют мячи своим отцам. Марти стоял в стороне вместе с Джо, показывая ему, как держать бит, как замахиваться от живота, как ловить мяч прошитой кожаной перчаткой. Потом мальчишки разделились на две команды и начали разминку. Джо разместился в центре поля, позади второй линии. Он выглядел одновременно и находящимся в гуще событий, и отчаянно одиноким. «Бедный Джо», – подумала я. Он переминался с ноги на ногу, вытирал нос рукой, то снимал, то надевал свою кепку. Другие игроки смеялись, болтали и махали своим отцам. Бедный, бедный Джо.

Игроки на поле сменяли друг друга. Были и упущенные мячи, и упавшие биты, и слезы. Наконец вперед вышел толстопузый блондин. Он был невысоким, но мощным, и явно опытным игроком. Отец кинул аккуратную подачу, парень сильно размахнулся, и – *крак!* – мяч по дуге полетел в поле. И тут внезапно Джо, как игрушка на пружинках, подскочил навстречу мячу. Сила удара мяча в перчатку Джо – *шлеп!* – удивила меня.

Блондин вышел с площадки. На его лице были испуг и недоверие.

– Вау! Отличный захват! – закричал Марти Джо.

Мы все – Нони, сестры и я – бешено захлопали. Джо слегка махнул нам рукой. Он улыбался. Я почувствовала, как рядом со мной Нони перевела дух, словно в ее изможденные легкие наконец проник свежий воздух. Она замахала Джо в ответ.

* * *

После того как у Джо начался бейсбол, одним беспокойством стало меньше, но на его место пришли другие.

Иногда я слышала, как Нони бормочет себе под нос после ужина: «Одно за другим, – приговаривала она. – Одно. За. Другим».

У нас на пороге больше не появлялись кастрюли с едой. Учителя перестали спрашивать нас, как мы держимся, и смотреть на нас с добрыми, печальными лицами. Я стала крепко спать. Джо и Рене тоже. Только Кэролайн все еще мучили кошмары, страшные сны о темноте и ребенке со злыми глазами. Но со временем мы привыкли к страшным снам Кэролайн, так что, казалось, нормальная жизнь, так или иначе, вернулась.

Одно за другим. По очереди.

Иногда Нони выла и швыряла в стену предметы – карандаши, книжки, степлеры. Кухонный стол, кабинет и ее спальню усеивали бумаги. По ночам Нони убивалась над большим серым калькулятором. Мы заглядывали, целовали ее и просили уложить нас спать, но она отвечала: «Минутку, дайте мне еще минутку», – и мы шли ложиться спать сами. Мы засыпали, лежа поверх покрывал, под резкие, настойчивые звуки щелканья пальцев Нони, вбивающей цифры в калькулятор.

Через три месяца после смерти отца мы переехали из нашего желтого дома в серое одноэтажное здание фермы в шести милях от города. Там не было ни лестницы, ни качелей во дворе, ни толком самого двора, только полоска гравия и прямоугольник высохшей желтой травы, огороженный высоким дощатым забором. Перед домом торчало единственное дерево, большая раскидистая акация, скрывающая дом в своей тени. Мы любили свой желтый дом и оплакивали его потерю гораздо горше, чем своего отца.

– У нас нет денег, – объясняла Нони. – Мне очень жаль. Папа никогда не говорил мне, что у нас нет денег.

Мы переехали в июне. Уроки в школе закончились. Мои ноги были покрыты непроходящими пятнами комариных укусов, красных, чешущихся и кровоточащих от моего постоянного внимания. В липкий, тяжкий день мы все уселись рядом с Нони на длинном переднем сиденье взятого напрокат грузовика. Джо сидел у окна, и только он тянул и выворачивал шею, глядя, как желтый дом исчезает позади нас.

Мы помогли Нони распаковать полотенца и простыни, тарелки и приборы, свою летнюю одежду и книги. Рене с Кэролайн теперь жили в одной комнате. Джо внизу, в холле, рядом с ванной. А я должна была спать в маленьком закутке с низким потолком и без окон. Все наши вещи казались тут чужими. Я ждала, что в любую минуту кто-то – может быть, наш папа – заглянет в дверь и скажет: «Сюрприз!» или «Во дела!», как он делал обычно.

В этот первый вечер мы, сидя на диване, ели на ужин спагетти с соусом из банки. Случайно мы все расселись по возрасту – Рене, Кэролайн, Джо и я. На мне была коротенькая ночнушка, и жесткая оранжевая обивка дивана царапала мне ноги. Наши рты были перепачканы красным томатным соусом.

– Дети, – сказала Нони.

Она встала перед диваном.

Вдоль стен громоздились нераспакованные коробки. Раковина на кухне была полна грязных тарелок.

– Да? – ответила Рене.

– Дети, – снова сказала Нони. – Я устала. Очень устала. – Ее волосы свисали по краям лица, а глаза выглядывали из глубоких впадин глазниц. Вокруг шеи, выдаваясь, торчали тонкие кости. Они казались очень хрупкими. – Мне нужно отдохнуть, – сказала Нони. – Ладно? – Приподняв брови, она переводила взгляд с одного из нас на другого.

Кэролайн, Джо и я, все повернулись к Рене – она была старшей, она знала, что и как надо ответить нашей маме.

– Не волнуйся, Нони, – сказала Рене. – Я справлюсь.

Нони кивнула, как будто что-то было решено. Она нагнулась к каждому из нас, обняла и поцеловала в макушку. Легкое касание волос у моей щеки, а затем она исчезла в длинном темном коридоре, ведущем к ее спальне.

Наша мать не появлялась оттуда три дня. Затем шесть. Затем четыре. Снова шесть. Время от времени она возникала, чтобы приготовить еду. Или спросить нас, как прошел день. Или вылечить разбитую коленку, обожженное солнцем плечо, сопливый нос. Но в основном она отдыхала в своей комнате с закрытой дверью, опущенными шторами, выключенным светом. В пузыре затемненной тишины, которую мы так боялись нарушить. Сколько это продолжалось? Рене потом говорила, что около трех лет. Джо оценивал ближе к двум. Став старше, мы стали называть это время *Пауза*, но тогда у нас не было слов, чтобы описать его. Мы делали вид, что все в порядке. «Это временно, – говорили мы себе. – Мы должны подождать, пока Нони отдохнет. Мы должны терпеливо ждать ее возвращения».

Глава 2

В то первое лето мы совсем одичали. Мы с Джо просто превратились в дикарей – грязных, испарянных, загорелых дочерна, с колтунами в волосах. Рене и Кэролайн старались сохранить более пристойный и взрослый вид, но и на них проступали следы приключений и общей заброшенности. В доме никогда не убирались. Мы вытаскивали, что надо, из коробок, но не разбирали их до конца. Мы играли, строили крепости и замки, которые стояли по несколько дней, а потом разрушались, когда мы играли в доме в салки, боролись или дрались. Мы спали в той же одежде, в которой ходили днем, не чистили зубы, а мылись только тогда, когда сами чувствовали запах или когда Рене стаскивала с нас одежду, заталкивала в душ и включала воду. Мы хватали еду руками прямо из холодильника или из коробок с покупками, которые посыльный из лавки на углу в Бексли, Джимми, приносил нам каждую пятницу. Еда, которую мы получали, была странной, почти испорченной – очевидно, нераспроданные остатки. Милостыня. Мы часто бывали голодны. И всегда босы.

Мы с Джо исследовали место своего нового обитания; всего шесть миль от нашего старого дома, но тут все было чужим. Другой штат, другая страна. Тут жили люди с темной кожей, татуировками и повязками на голове. Домики были маленькими, жизнь выплескивалась из окон и дверей так, как невозможно было представить в нашем старом районе. Мужчины сидели перед домами в пляжных креслах и пили из темно-коричневых бутылок. Женщины орала на детей, которые бегали голышом под брызгами поливалок. Девочка-подросток курила в открытую, пытаясь выпускать в небо кольца дыма.

Через двадцать лет Бексли превратится в престижный пригород, в нем появятся новые дорогие дома и супермаркеты, но в 1981 году это был маленький, забытый богом городишко, охваченный инфляцией и безработицей. На востоке Бексли стояла заброшенная фабрика, где когда-то производили мебель для университетов и больниц. Десятки лет назад компания привезла сюда рабочих из города и расселила в дешевые домишки, обставленные дешевой мебелью, принадлежавшей той же компании. Теперь фабрика была заброшена, как распростертый застывший осьминог со щупальцами из красного кирпича, расписанного граффити, с разбитыми окнами и высокой закопченной трубой вместо головы. Все вокруг было усеяно необработанными досками, стульями с порванной обивкой, столами с расщепленными обрубками вместо ножек.

До Паузы Нони часто проезжала мимо фабрики, и я всегда смотрела туда со страхом и восхищением пугливого наблюдателя. Во время Паузы Нони больше не водила машину, так что у нас не было возможности видеть фабрику. Но иногда по ночам, в кровати, я представляла ее себе: лунный свет на разбитых стеклах, крысы, кошки и еноты шныряют вокруг, кусая друг друга, сражаясь и царапая мебель, гадя в пустых помещениях. Я воображала эту живую тьму и то, что могло происходить в ней под покровом ночи. Загадка фабрики казалась мне чем-то схожей с загадкой самой Нони. Внутри каждой шла работа каких-то невидимых сил, исполненных тайной ярости.

Наши друзья тем летом куда-то пропали. Мы не могли приходить в наш старый квартал. Нони велела нам пользоваться телефоном только в случае крайней необходимости. И кроме того, скоро стало ясно, что наши друзья продолжали жить нормальной жизнью, где надо покупать продукты, готовить еду и смотреть телепередачи, где любимые люди могут быть заняты, но при этом живы и здоровы. Мы же напоминали им о постоянной угрозе бедствий. О том, как быстро все может разлететься на куски.

* * *

Утром моего пятого дня рождения Нони возникла из своей темноты, чтобы испечь мне пирог. Мы наблюдали, как она раскладывала в ряд на кухонном столе все ингредиенты – старую банку питьевой соды, обернутую в пленку пачку окаменевшего коричневого сахара... Мы не пытались помочь ей. Это было слишком рискованно. Мать стала для нас каким-то экзотическим животным, типа газели, которое можно было спугнуть резким движением или громкими голосами.

Мягкий шорох просеиваемой муки, треск разбиваемых яиц, жужжание миксера, и потом – *дзинь* – из духовки появился кекс, золотистый и пышный, мое маленькое личное солнышко. Каждый из нас съел большой кусок, Нони тоже, а потом она поцеловала меня и снова удалилась по коридору, волоча по полу обтрепанный край своего банного халата.

Она закрыла за собой дверь своей комнаты.

Я разревелась.

Рене, Кэролайн и Джо обменялись взглядами. Кэролайн прикрыла рукой улыбку.

– Фиона, – позвала Рене. – У Джо есть сюрприз для тебя.

Джо исчез за дверью, а когда он вернулся, у него в руках был маленький кролик. Он отчаянно брыкался задними лапами, надеясь вырваться, но Джо крепко прижимал его к груди.

– С днем рождения, Фи, – сказал он.

Джо протянул мне кролика, и мое сердце забилося от восторга. Он осторожно передал его мне. Я гладила мягкую шерстку, а у меня в ладони часто билось крошечное сердечко. Кролик был черно-серым, только вокруг глаз и на брюшке была белая шерсть. Кролик казался очень напуганным, Джо говорил с ним медленно и тихо, а я старалась касаться его как можно осторожнее.

– Откуда она взялась? – спросила я.

– Секрет, – прошептал Джо.

Джо помог мне построить на заднем дворе что-то вроде загончика из разломанных ящиков, деревянный ящик, положенный набок, стал домиком, одна миска для воды, другая для еды. Я назвала кролика Селеста в честь королевы слонов из книжки.

Каждое утро я кормила кролика морковкой, подвявшим салатом и мелкими зелеными яблоками, которые падали с деревьев в парке. Селеста не обладала изящными манерами. Ее нос и рот двигались в унисон, и пища исчезала мгновенно. Мне нравились быстрые движения ее глаз. Мне нравились ее длинные задние лапы и их круговые движения, словно она ехала на велосипеде. Мне нравился ее запах, мускуса и свежей, чистой травы, и даже ее сухие, безупречной овальной формы какашки, разложенные по загончику аккуратными кучками.

Джо тоже любил Селесту. Он неделями наблюдал за ней. Мы выяснили, что она больше всего любит есть, где ей больше всего нравится, чтобы ее чесали, когда она наиболее склонна к ласке и когда ей хочется поиграть. Джо нравилось угощать ее длинными стебельками травы и смотреть, как они исчезают у нее во рту, как будто она ест спагетти.

Мы возились с Селестой месяц, может быть, два, а потом она исчезла. Я, как всегда, пришла утром покормить ее, но в загончике было пусто. Стоял август, дни начинались медленно и неохотно, во влажном и густом, как молоко, тумане. Джо помог мне обыскать все кусты во дворе и ходил со мной по улице, крича: «Селеста! Селеста!», пока туман не рассеялся, а мы, потные, краснолицые, в пижамах, так и остались одни.

Джо нес меня домой, и я всю дорогу плакала.

– Послушай, Фиона, – сказал Джо. – Селеста должна была вернуться к своим братьям и сестрам.

Он опустил меня на ноги в нашем дворе. У меня от слез промокла вся пижама. На плече Джо тоже виднелись дорожки моих слез.

– Правда? – спросила я. Мне как-то не приходила в голову эта мысль.

– Ты слышала, как говорят: «плодятся, как кролики»? – ответил Джо. – У всех кроликов целая куча братьев и сестер. Больше, чем у всех остальных. – Джо было восемь, и он знал все на свете.

Я поверила своему брату и перестала плакать. Мне стало стыдно, что я держала Селесту в плену столько времени. Я была рада, что теперь она вернулась домой. «Как ужасно, – подумала я, – быть разлученным со своими братьями и сестрами».

* * *

Я горевала по Селесте ровно пять дней. А потом Джо отвел меня на пруд.

Было еще одно жаркое, липкое утро, я лежала на диване, читая «*Войну миров*»³ и представляя себе, куда бы я могла спрятаться при вторжении инопланетян. Я рано научилась читать и читала много, часто таская книжки у Рене или из картонных коробок, которые мы так и не распаковали, и явно предпочитала находиться в своем собственном выдуманном мире, а не в окружающей меня реальности.

– Пошли, – сказал возникший на пороге Джо. – Я хочу кое-что тебе показать.

Я прищурилась, всмотрелась в его лицо и опустила книгу.

Он повел меня по обочине дороги, через соседский задний двор, через низкую изгородь и вниз по пологому лесистому холму. Дорога была трудной – никакой тропинки, сплошные заросли и упавшие деревья. Пятна солнца мелькали у меня в глазах, я спотыкалась и падала. Джо помогал мне подниматься, а потом посадил на плечи, и я поехала верхом вниз с холма, нагибаясь от нависающих веток и крепко обхватив ногами его плечи, а руками держась за шею.

Наконец лес поредел, и Джо спустил меня на землю. Перед нами был мелкий, освещенный солнцем ручей, который вился между деревьев.

– Та-дам! – воскликнул Джо, как будто он был фокусником, а это – его лучший трюк.

Тут было прохладно, спокойно, вода тихонько журчала, переговариваясь сама с собой, в воздухе трепетали стрекозы и тоненько зудели комары.

– Давай останемся тут, – сказала я.

Следующие несколько часов мы провели, играя на камнях возле ручья. Мы не разговаривали. Мы кидали камешки. Растянувшись на животе, мы наблюдали за длинноногими водомерками, скользящими по поверхности воды. Мы смастерили удочки из палок и длинных стеблей травы, связанных концами, но у нас не было наживки, и быстрые, верткие рыбешки не обращали внимания на наши попытки, а вместо этого только сверкали чешуей, выбирая кусочки водорослей с прибрежных камней, как хозяйки выбирают дыни на рынке. Мы пошли вниз по течению, глядя, как ручей постепенно расширяется. Звук падающей воды становился все громче, и наконец лес расступился, и перед нами засверкал небольшой зеленый пруд, лежащий, как драгоценный камень, в оправе деревьев и густых камышей. На дальней его стороне была плотина. Вода переливалась через нее и стекала вниз вольным потоком.

По берегам пруда росли кусты вербейника и венериного башмачка. Кувшинки с листьями размером с ладонь и торчащими, словно колышки, цветами. Тут был и низкий берег, заросший травой, идеально подходящий, чтобы сидеть на нем, и небольшой пляж, покрытый серым песком и галькой. Вокруг никого не было, но я заметила следы пребывания людей – маленький перевернутый кораблик, валяющийся в траве, смятая банка от колы, несколько оранже-

³ Научно-фантастический роман Г. Уэллса.

вых окурков, на одном из которых виднелся след помады. Это было самое прекрасное место, которое я видела.

– Джо, – спросила я, – мы можем зайти туда?

Джо не ответил, а просто сдернул рубашку и прыгнул с берега в воду. Я сняла свое платье и на цыпочках пошла по песку. Мои ступни, лодыжки, колени, бедра постепенно оказывались в воде, и меня охватывало мучительное ощущение холода, которое было болезненным и прекрасным одновременно. За тонкой кромкой песка дно пруда было покрыто густым и скользким илом. Я чувствовала, как он проникает между пальцами, и ноги погружаются в него с каждым шагом все глубже. Холод достиг моих бедер, живота, голой груди, и только тут я вспомнила, что не умею плавать.

Моя нога потеряла опору на скользком дне. Моя голова плавно и тихо скользнула вниз. В моем мозгу не было страха, лишь изумление – холодом, густой тишиной, подводным светом – зеленым и мерцающим золотым – и красотой водорослей, которые, подобно снежинкам, проплывали передо мной в воде. Я взмахнула руками, и водоросли закружились, безумный хоровод зеленых частиц, потревоженных всплеском. На расстоянии я разглядела выпученные глаза и длинные острые усы большого сома.

Я хотела остаться тут. Здесь было прекрасно и удивительно, совсем не так, как в сером доме и нашей новой жизни. Там было только странно, жестко и грязно. Под водой в пруду я впервые ощутила любопытство.

И тут сильные руки Джо схватили меня за плечи и выдернули из золотого удивительного мира. Я сделала вдох, и в меня ворвалась холодная вода. Мне показалось, что я проглотила плотвичку, целую стаю плотвы, и их острые серебряные тельца врезаются во внутреннее пространство моего носа и груди.

– Фиона! – кричал Джо.

Я кашляла и отплевывалась, пока Джо тащил меня по траве. Я лежала на берегу, тяжело дыша, а потом меня вырвало – одним спасительным, опустошающим рывком.

У Джо на лице был ужас.

– Фи, ты как, ничего? Прости меня. Я такой дурак. Идиот. Нони же никогда не учила тебя плавать, правда? – И он утер лоб рукой.

– Я нормально. – Мой голос прозвучал хриплым карканьем. Я прокашлялась и повторила: – Джо, я *нормально*. – Мне было странно успокаивать Джо, который так часто успокаивал меня. Боль в груди усилилась от расстроенного вида брата. – Джо, ты спас меня, – сказала я.

Джо к тому времени заметно вырос. Всего за один сезон он перерос всех в своей команде Малой лиги. У него были огромные руки и ноги тоже, плечи, пока мальчишеские и костлявые, стали широкими, а талия узкой. Возвышаясь надо мной, он напоминал воздушного змея, с которого стекали струи воды из пруда. Он оглядел меня своими темно-голубыми глазами, откинул назад прядь волос, и на его лице появилось выражение некоторого облегчения.

– Спас тебя? – переспросил Джо. – Ну да, наверное. – И он улыбнулся.

* * *

Тем же летом Джо научил меня плавать. Каждый день мы, взяв полотенца, купальники и бутерброды, уходили на пруд. Мы начали не спеша, Джо поддерживал меня за спину, а я крутила руками и болтала ногами, вздымая фонтаны воды и пытаюсь научиться держаться на поверхности. Это заняло неделю, и вот я уже плавала на спине без всякой поддержки, раскинув руки, словно лучи звезды, с волосами, колышущимися вокруг.

– Теперь по-собачьи, – велел Джо, и я поняла, что он гордится мной.

Училась я медленно. Физические упражнения давались мне нелегко, я вечно отставала, жалуюсь то на подвернувшуюся лодыжку, то что я задыхаюсь.

Одним из чудес нашего пруда было то, что тут, в воде, моя физическая сущность как будто исчезала. Это было дивное ощущение. Запрокинув голову и лежа на поверхности воды, я чувствовала, как мои уши наполняются холодным шипением, и я становлюсь невесомой. Я вспомню это ощущение двадцать лет спустя, когда наконец сброшу вес, с самого детства обвинявший мое тело, будто спящий питон. *Необремененный* – это слово я потом буду использовать в своих стихах, описывая это ощущение. И еще: *Беспривязный. Вольный. Обширный. Свободный*. Но впервые я испытала все это там, в пруду, в воде, рядом с Джо.

Рене вскоре что-то заподозрила. «Куда это вы ходите? – спросила она однажды утром. Подойдя к Джо, она понюхала его волосы. – Ты пахнешь рыбой».

Рене и Кэролайн в основном проводили время дома, сидя под вентилятором, где было прохладнее. Они заплетали друг другу косы, делали миски, бусы и маски из папье-маше, оборачивая намазанными клеем полосками газеты различные предметы, которые хотели скопировать. Когда им это надоедало, они смотрели по телевизору детские передачи, а иногда программу, где человек рисовал пейзажи, говоря таким тихим голосом, что это вводило в оцепенение. Они не узнали там ровно ничего о рисовании, только то, что можно провести целый день в состоянии дремы, полусна-полубодрствования, но в конце почувствовать себя беспокойным и нервным, совершенно вымотанным от жары и скуки.

Рене снова принялась к волосам Джо.

– Возьмите туда с собой, – попросила она.

Мы с Джо провели сестер по дороге, вниз по склону холма, вдоль берега ручья через лес, пока не дошли до пруда. День был ужасно жарким, и сам вид темной воды остужал, а журчащий шум действовал на всех нас успокаивающе. Клены и тонкие березы склонялись к пруду. Течение было слабым и почти невидимым. Вода переливалась через запруды и падала, как серебристая занавесь, пропущенная сквозь валки для отжима.

Рене присвистнула и сказала:

– Потрясающе.

И я немедленно пожалела, что мы привели сюда сестер. Это было наше с Джо место, а их вторжение все изменило. Кэролайн в бикини расстилала свое полотенце под лучами солнца. Рене начала патрулировать берег в поисках лягушек. Я вчера видела одну здоровенную лягушку-быка, которая кричала так, что казалось, будто в колодец бросают камни, но ничего не сказала Рене. Пусть поищет.

– Фи, пошли учиться плавать, – позвал меня Джо.

Я нахмурилась, но он приподнял брови, и выражение его лица означало: *«Это место все еще наше. Мы можем поделиться с ними, это не изменит того, что мы здесь нашли»*.

И я сдалась. Дала Джо занести меня в воду и опустить на живот. Его руки поддерживали меня, а я брыкалась ногами и делала руками гребки. Я не поплыла ни в этот, ни на следующий день, но это случилось довольно скоро – прекрасный момент, когда мое тело перестало быть лишним грузом и словно стало самой водой, текучей, радостной, вольной. И это сделал Джо, и Джо хлопал мне громче всех, когда я проплыла от одного берега до другого.

Тем летом мы с Кэролайн придумали себе игру. В сером доме мы редко играли вместе, но тут, на пруду, все правила и порядки изменились. Мы с ней обшаривали берег в поисках обкатанных водой осколков стекла или других загадочных сокровищ. Каменистое дно было полно старых обломков, возможно, остатков от старой мебели с завода или других отходов городского мусора. Как-то мы нашли большую серебряную ложку, потом ржавую поломанную цепь от велосипеда, маленькую зеленую бутылочку. Мы бережно раскладывали свои находки, а потом выдумывали запутанные истории их происхождения и того, на что были бы готовы пойти их прежние владельцы, чтобы вернуть их. До *Паузы* Нони растила нас на сказках и фан-

тастических историях. Принцессы и королевы, матери и тролли, отчаянный принц, спасение и вечная безупречная любовь. Пруд предоставил нам отличную основу для всевозможных магических предположений.

Мы с Кэролайн неделями обсуждали владелицу ложки, суровую королеву далекой, застывшей страны, которая разозлилась на свою дочь и швырнула ложкой в бедную девушку. Дочь уклонилась, и ложка, скользя по ее незащитной голове, улетела сквозь время, страны, океаны и упала сюда, в наш ручей.

– А потом дочь исчезла, – задумчиво сказала Кэролайн. – Королева считает, что ее дух оказался заключен в эту ложку. И вот она ищет, но не может ее найти. Королева поклялась искать вечно. До своего смертного часа.

Мы взгляделись в потускневшее серебро ложечного изгиба и разглядели там слабое мутное отражение собственных лиц.

* * *

Наша игра прекратилась на второе лето *Паузы*. Это случилось, когда мы впервые встретили Натана Даффи. Однажды утром мы сбежали с холма и слышали плеск, смех и крики. Мы выглянули из-за деревьев и увидели стайку детей, загорелых и лохматых, разного пола и возраста, но похожих между собой, как вариации одной темы. Натан был одним из шести отпрысков, за которыми летом присматривала няня, Анжела, которая ходила на этот пруд давным-давно, с тех пор, как сама была еще ребенком. Теперь же Анжела, расстелив покрывало в цветочек, плюхалась посреди него с кроссвордом и сидела, пока детишки Даффи плавали, играли, ели и дрались вокруг нее. Натан был средним в этой стае – двое старших братьев, три младших сестры – и самым тихим. Я даже не замечала его, пока, позже в тот же день, он не появился возле нашего одеяла.

Натан присел на корточки в траве и спросил Кэролайн про ее книжку.

– Это Нэнси Дрю? – сказал он. – А ты читала про братьев Харди? Мне больше всего нравится *Баиня Сокровищ*. – В тот день было сумрачно, небо было серым и низким. Приближались гроза и дождь.

Кэролайн подняла взгляд от книги и посмотрела на Натана. Оба они были худыми и длинноногими, оба темные блондины, оба загорелые, с глазами, прищуренными от солнца. У Натана были золотистые очки под цвет его волос. Выражение его лица было серьезным и внимательным.

Во время *Паузы* именно Кэролайн больше всего тосковала по нашим родителям. Она часто молча плакала за кухонным столом, когда мы завтракали, или потом в гостиной, когда мы играли в «Монополию», даже если выигрывала. По ночам ее мучили кошмары. Они то снились ей, то переставали, то появлялись снова без всякой явной системы или причин. Она просыпалась, крича и плача, и никто из нас не мог утешить ее, даже Рене.

Теперь же она холодно поглядела на Натана и пожала плечами.

– Братья Харди ничего, – ответила она. – Но Нэнси храбрее.

Натан в размышлении наклонил голову набок. Своими длинными осторожными пальцами он перебирал край нашей подстилки и кучку теплых мелких камешков, которые я собрала и разложила на листьях.

– Хочешь поплавать? – вдруг спросил он.

Быстро, как плотвичка, парнишка вскочил, скользнул мимо нас, пробежал вдоль края пруда с одной стороны до другой, вбегая и выбегая из воды, промчался по запруде (хотя она была скользкой, и Анжела закричала на него, чтоб он убрался оттуда), взобрался на дерево и соскочил с него. Наконец, он вернулся к Кэролайн. Он встряхнул мокрой головой, и она

сердито захлопнула книгу, отошла и села на песке. Но она обернулась на него, и я заметила в ее взгляде явный интерес к этому бледному быстрому мальчику.

Довольно скоро мы знали о Натане все. Его мать звали Дженет, отца – Сайрус, а пятеро братьев и сестер стали для нас единым целым: Дуглас Терри Мэдди Эмили Джен. Мы звали их Козлы, потому что их фамилия была Даффи, что напоминало нам козла Билли Граффа из сказки, а кроме того, потому, что в них, с их длинными любопытными лицами и лохматыми головами, было что-то козлиное. Все они были упрямыми, упертыми, вечно спорящими с другими о чем угодно, будь то готовка яичницы, извержения вулканов или песни Майкла Джексона.

На следующий день после знакомства с Натаном Даффи появился Эйс МакАллистер. Он влетел на пруд с тропы, с ног до головы одетый в камуфляж, с духовым пистолетом в руках.

– Пиф-паф! – заорал он, спугнув нас, играющих и читающих книги.

– Это Эйс, – без малейшего удивления объяснил Натан, пока Эйс делал вид, что снова и снова стреляет в него.

Эйс был невысоким и толстым, с тяжелыми руками и ногами и широким лицом. Копна темных, блестящих волос спадала ему на глаза. Они с Натаном не были друзьями, но жили по соседству, и разница в их возрасте составляла лишь год, так что матери с самого детства сводили их вместе на детских площадках и празднованиях дней рождений.

– Анжела, я в тебя попал! – завопил Эйс, обращая внимание на няню.

Анжела, не подымая взгляд от журнала, махнула на него рукой. Когда-то она была и его няней и тоже водила его летом на пруд, но потом ушла работать в семью Даффи. А родители Эйса теперь оставляли его одного, выдавая ему десятидолларовую бумажку, ключ от дома и приказ держаться подальше от неприятностей.

Спустя несколько дней стало ясно, что Эйс был самым диким из нас. Он прыгал в пруд с плотины и так орал, что даже Терри, старший брат Натана, просил его заткнуться. Натан был в шестом классе, Эйс – в пятом, но в частной школе в Гринвиче, которая называлась Академия Пьерпонт. Мы все ходили в обычную школу, и идея Пьерпонта с формой и полями для лакросса показалась мне ужасно взрослой и интеллигентной, но Эйс ходил туда только потому, что у его родителей были деньги, и они не знали, что еще с ним делать. Он хвастался, что его выгнали из шикарной школы-интерната в Нью-Гэмпшире, не взяли в обычную школу, и Академия Пьерпонт была единственным местом, куда его приняли. Он болтал о победах в драках, выпитом пиве, выкуренных сигаретах. Мы сомневались в правдивости этих историй, но все равно слушали. Он часто приносил на пруд свой пистолет или коробку с пистонами, о которой говорил, что украл ее. Он ловил лягушек и сверчков, а как-то поймал небольшого зеленого ужа, и сажал их в коробки из-под обуви. Я подозревала, что ему хотелось мучить этих животных, но при нас он не смел этого делать.

Когда Эйс узнал, что Джо играет в бейсбол, то начал относиться к нему с большим интересом и большей агрессивностью. Он стал говорить что-то типа: «О, смотрите, сам Джо Ди Маааааджо», и это протяжное *аааа* звучало, как карканье. Но тут были и легкая зависть, и уважение. Джо был на год младше, чем Эйс, но выше и сильнее и со спортивным спокойствием.

Джо относился к Эйсу с настороженностью. Они общались дружески, но, как мне тогда казалось, не могли подружиться по-настоящему. Эйс был нежеланной, но неизбежной летней нагрузкой, и мы принимали его, как принимали жару и комаров, – с легким раздражением.

Мы шестером – мы с Джо, Натан и Эйс, Кэролайн и Рене – образовали своего рода шайку. Мы не всегда, не каждый день были вместе, но часто плавали в пруду, играли на траве в «Двадцать вопросов» или смотрели телевизор дома у Натана, а Козлы шатались вокруг, хлопали дверьми или громко и возбужденно болтали по телефону. Ранними вечерами, когда солнце начинало садиться, мы могли пойти в парк играть в бейсбол. Мы всегда делали для Джо какие-то ограничения – «Только левой!», «Закрой глаза!» – потому что иначе все игры были

кратки и унизительны. Иногда нам хотелось посмотреть, на что способен Джо, и мы заставляли его выполнять какие-то выдуманные усложненные вещи. Он делал все это играючи, смеясь и всегда исполняя все наши указания. Иногда мы сидели на трибуне и смотрели, как Эйс подает мяч за мячом, а Джо отбивает их высоко и далеко, не спуская с лица ленивой, мечтательной улыбки. Он казался совершенно расслабленным, как будто такие удары по мячу не требовали от него ни малейшего усилия.

– Твой брат будет знаменитым, – как-то сказал мне Натан в своей серьезной, выдержанной манере. – Он уже почти суперзвезда.

Не помню, что я ответила. Возможно, сказала: *«Ну конечно»*, а может, просто пожала плечами. Это казалось настолько очевидным, что не требовало ответа. Джо *был* суперзвездой. Знал ли он уже тогда, чего от него ожидают? На поле его лицо всегда было мечтательным, а движения естественными, но кто знает, чего ему стоило так играть. Изображать для нас это зрелище.

* * *

В последнюю неделю лета 1983 года Джо с Эйсом поссорились. Это произошло из-за меня, вернее, из-за того, что со мной случилось. Причиной стал, вот уж казалось бы, мой кролик Селеста.

– Вы же живете в том сером доме, да? – как-то спросил меня Эйс.

Мы весь день провели на пруду, и моя кожа уже чесалась от плавания, солнца и снова плавания. Мне было немного скучно, очень хотелось есть, и я думала, что же Рене приготовит на ужин, и успеет ли книга, которую я случайно уронила в воду, высохнуть до вечера, чтобы я смогла ее дочитать. Мне было шесть лет, я была пухлой, розовощекой и вечно с книжкой в руках. Недавно я начала составлять списки слов в черно-белой тетрадке для сочинений, которую Рене брала в школу. Это были не стихи, а просто перечень моих чувств и открытий, вещей, которые я видела, событий, в которых участвовала.

Зеленое, золотое, рыба, вода, солнце, трава, сестры, брат, плавать, свободно, тепло, мягко.

Эйс смотрел на меня с возрастающим интересом.

– В сером доме? – уточнил он.

Я подняла взгляд от своей тетрадки и кивнула.

– И у тебя был ручной кролик?

Я опустила карандаш и закрыла тетрадь.

– Она убежала, – объяснила я, – к своим братьям и сестрам.

Эйс громко заржал. Для пущего эффекта он повалился на спину и схватился руками за живот.

– Убежала, – повторил он. – Да никуда она не убегала. Это я ее забрал.

– Но зачем? – спросила я. Я еще не сердилась, а просто недоумевала.

– Это был такой клевый кролик. Такой. Клевый. – И Эйс облизнул губы с чмокающим звуком.

– Эйс, прекрати! – крикнул Натан. Он плавал неподалеку, прислушиваясь. – Не дразни Фиону.

– Я не дразню! Я говорю, как было! «Эйс, не дразни девочек. Не ври. Будь хорошим мальчиком, как я». – Последнюю фразу он выкрикнул издевательским, тонким голосом.

Натан не ответил. Он просто нырнул в воду.

– Нет же, – сказала я Эйсу. – Ты этого *не делал*.

– Ну, есть я ее не ел. Это я пошутил. Но я взял ее и отнес туда, где рельсы, на другую сторону холма, и там поиграл с ней. А потом оставил ее там. Ну, на рельсах.

У Эйса на щеках была россыпь коричневых веснушек. Когда он говорил, они, казалось, стали темнее.

– Я попытался привязать ее к рельсу, веревкой за ногу, – говорил он. – Ну, чтобы я мог вернуться за ней и отнести обратно к вашему дому, но, думаю, она куда-то удрала. Когда я вернулся за ней, там был только небольшой клочок меха. Ма-а-аленький кусочек.

Мое лицо загорелось, и к глазам подступили слезы. Я была уверена, что Эйс врет, что он просто хочет, чтобы я расплакалась, и мне не хотелось доставлять ему удовольствия. Но я не могла сдержаться. Я вспомнила Селесту, ее чистую шерстку, ее подергивающийся треугольный носик...

Мягкий, милый, новый, один.

Джо увидел, что я заплакала.

– Что ты ей сделал? – крикнул он Эйсу через лужайку. Голос Джо был резким. Он играл в солитер, перед ним были разложены карты, и полколоды он еще держал в руках.

Я хотела сказать: «Джо, все нормально», но слова не шли. Влажный воздух с трудом входил в мои легкие. И тут Эйс ответил вместо меня. Он повторил все, что рассказал мне про Селесту и рельсы. Пока он говорил, лицо Джо застыло. Я вспомнила, что Джо тоже любил нашего кролика.

– Ты врешь, – сказал он Эйсу.

– Нет, – ответил тот.

Теперь уже все слушали. Рене в тот день осталась дома, чтобы испечь пирог с малиной, которая росла в аллее у нас за домом, но все остальные были здесь – я, Кэролайн, Натан и двое Козлов. На пруду, оставленные без родительского присмотра, мы были в чем-то дикими, но в чем-то, наоборот, более сдержанными. Мы никогда не бранились и не дрались друг с другом. Мы избегали ссор и конфликтов. Только Эйс, казалось, нарочно пытался нарываться. Так он потом и делал всю жизнь.

Эйс был ниже Джо, но толще и тяжелее. Он не занимался спортом и питался, казалось, только банками колы и пончиками из целлофановых упаковок, которые пожирал в три укуса, пачкая губы сахарной пудрой.

– Ну и что ты мне сделаешь? – крикнул Эйс. – Эй, Джо? Большой сильный Джо?

Мы смотрели на Джо: он был очень загорелым, отчего его глаза казались еще голубее, а волосы скорее золотыми, чем русыми. Плавание и лазанье по холму сделало его фигуру еще более мужественной. В этом Джо уже просматривались мускулистые плечи, атлетическая грудь и плоский живот, который он, спустя годы и работая спасателем в бассейне Бексли, будет натирать маслом от загара. Там его вечно окружала толпа старшеклассниц, которые выглядели как взрослые женщины.

Но пока он все еще был мальчишкой. Над его бровью дернулся мускул.

Джо сделал то же, что, как я вспомнила, делала Нони еще до Паузы, до папиной смерти, когда она еще была нашей мамой и выполняла свою задачу, заботясь о нас.

– Если ты не возьмешь эти слова обратно через пять секунд, – сказал он, – ты об этом пожалеешь. – Джо сглотнул, отбросил с глаз челку и начал считать: – Пять. Четыре. Три. Два.

Прежде, чем Джо закончил, Эйс повернулся и побежал. Ноги несли его прочь по берегу, на скользкую поверхность запруды, туда, где вода переливалась через бетонный край, покрытый зелеными водорослями. Он запрыгал на краю.

– Иди, Джо, достань меня!

Джо не пошел на плотину. И никто из нас не пошел. Рене говорила нам, что это слишком опасно, можно упасть, и мы ей верили. Мы все наблюдали, как Эйс скачет то на одной ноге, то на другой, дразня Джо. Ноги Эйса, по которым лилась вода, казались обернутыми серебром.

– Ну давай, Джо! – кричал он. – Эх ты, трусишка!

И тут Эйс поскользнулся. Одна его нога исчезла с другой стороны плотины. Он тяжело упал на колено, которое треснуло с ужасным звуком, перед тем как он соскользнул вниз. На секунду Эйс руками пытался ухватиться за край, но вода лилась ему прямо в лицо с такой силой, что он тут же исчез.

Все это случилось так быстро, что мы едва сумели зафиксировать его исчезновение. Только что Эйс был на плотине, и вот его нет. Горячий воздух был все так же тих и спокоен, все так же слышались звук льющейся воды и жужжание сапфирово-синих стрекоз, порхающих над водой. Казалось, Эйс сейчас вернется, вынырнет обратно, прошедшие секунды повернут вспять и возвратят нас туда, где все началось. Но, конечно, так не могло произойти.

Эйс упал, и никто не произнес ни слова, и тут Джо помчался по тропе в лес, окружающий пруд, и вниз по холму на другую сторону. Я только слышала хруст кустарника у него под ногами. Высота плотины с другой стороны была примерно равна трехэтажному дому. Яма, в которую стекала вода, была темной, каменистой по краям, и никто не знал, какой она глубины. Она плавно переходила в тонкий стремительный поток, мчащийся между густых кустов и высоких ветвистых деревьев. Для нас пруд был концом нашего мира. Позади него, за плотинной, простиралась дикая неизвестность.

Джо кричал, зовя Эйса, и его голос затихал по мере того, как он удалялся в лес. Натан последовал за Джо, и я встала, чтобы присоединиться к ним, но Натан строго велел мне сидеть.

– Мы с Джо справимся, – сказал он. – Девочки остаются здесь.

И он тоже исчез, продираясь сквозь кустарник.

Пять часов спустя после падения Эйса с плотины Джо ввалился в дверь нашего серого дома. Он был потным, грязным, лицо и руки исцарапаны колючками и ветками.

– Эйс в порядке, – сказал он нам.

Джо удалось выловить его из ручья примерно в километре с лишним от пруда. Он нагло-тался воды и уже захлебывался, когда Джо его обнаружил.

– Так он утонул? – спросила я.

– Не совсем, – ответил Джо. – Он выблевал примерно полпруда, когда я вытащил его. – Джо улыбался, но его лицо было нервным и напряженным.

Эйс подвернул ногу во время падения, его колено было разбито до мяса и распухло, но он смог идти, хотя Джо и Натану пришлось наполовину нести его всю дорогу до его дома. Джо рассказал, что дома была только его мать, женщина, которую никто из нас раньше не видел. Она высокая и худая и совсем не похожа на Эйса. Когда они ввалились в дверь, она сидела на диване в цветочек и курила сигарету. Дом Эйса внутри весь сияет, и Джо боялся что-нибудь задеть или даже ступить на светлый ковер, так что они остались стоять в дверях, поддерживая Эйса.

Мать Эйса выпустила дым из ноздрей, словно дракон, и спросила:

– Что на этот раз?

Джо с Натаном препроводили Эйса на диван и подождали, пока его мать тыкала в разбитую ногу и изучала ее.

– Всего лишь вывих, – объявила она и вручила Эйсу пакет замороженного горошка и пульт от телевизора.

Затем, вытащив из кошелька две хрустящие долларовые бумажки, дала одну Джо, другую – Натану и сказала: «Спасибо, что привели его домой. А теперь бегите». Ну и они пошли.

Прошла неделя, прежде чем мы увидели Эйса снова. Как-то утром он вернулся на пруд, слегка хромя, его левая нога была обмотана грязно-серым бинтом, а шнурки на левом ботинке развязаны. Он сел возле меня на полотенце.

– Мама велела мне еще неделю не плавать, – сказал мне Эйс, вытаскивая из кармана колоду карт, и спросил: – Сыграем?

Скоро стало ясно, что Эйс изменился. Вечный вызов, который он носил, как знамя, исчез. Агрессивность, которая была между ним и Джо, испарилась. Вместо нее зарождалась новая, осторожная дружба. Джо относился к Эйсу с добротой и некоей жалостью, как если бы тот был младше его. Эйс ходил за Джо, глядя на него с чем-то вроде зависти. Я думала, наконец-то Эйс понял, что Джо особенный.

Так продолжалось до конца лета, когда мы вернулись по своим школам и каждый оказался в плену своего класса и расписания. Время от времени, зимой, я мельком видела Эйса с его матерью в окне магазина или проезжающим по городу в синем «БМВ» его отца, длинном и блестящем, как медленно летящая пуля. Рядом с родителями, которые оба были высокими и красивыми, Эйс всегда казался маленьким и каким-то сжавшимся. Потом я поняла, как Эйс каждый божий день вызывал в своих родителях разочарование просто тем, что был неамбициозным, легко отвлекающимся, недалеким. Даже тогда я смогла разглядеть это разочарование – хотя бы в том, что мать никогда не смотрела на своего сына прямо. В том, что отец всегда шел на шаг впереди. Я поняла, что мне жалко Эйса. Я обнаружила, что не могу вспомнить, что Эйс когда-то казался мне угрожающим.

Глава 3

Пауза не могла продолжаться вечно. Мы знали это. Существовали разные опасности. Мы были детьми, все четверо, мы жили одни, без всякой защиты и управления, и, хотя Рене исполняла роль квазиматери, она сгибалась под этой ношей. *Невыносимо*, записала я позже. *Нестерпимо, опасно, рискованно, ненадежно*.

В тот год Рене исполнилось тринадцать, она стала высокой, на груди появились круглые выступы, а волосы стали пачкаться и жирниться уже через несколько дней после мытья. От нее исходил мускусный, землистый запах, словно в ней зарождалось нечто новое, раздувающее ее изнутри, как будто она была одержима духами. Мы все смотрели фильм «Полтергейст», и я думала, что у изменений, происходящих с сестрой, есть единственное объяснение – захват существами из иного мира.

Однажды вечером Рене не пришла домой. У нее была тренировка по бегу по пересеченной местности, и после нее она всегда садилась на последний автобус в пять тридцать, но было уже полседьмого и совсем темно, а от нее ни слуху ни духу. Джо, Кэролайн и я сделали на ужин бутерброды с сыром и тихо жевали их на диване, держа тарелки на коленях и глядя на дверь. Джо уже дважды говорил, что надо позвонить в школу, но пока так этого и не сделал.

– А что, если она не вернется? – спросила Кэролайн.

Ей было десять, и она боялась пауков, кухонного измельчителя и звука *grrrrr*, который Джо издавал специально, чтобы пугать ее. Ее продолжали мучить кошмары, и это будет длиться вплоть до ее двадцати с лишним лет.

Меня не очень взволновало загадочное отсутствие Рене. Жизнь без Рене была бы попросту невозможна. Она составляла таблицы с нашими уроками, домашними заданиями, расписанием тренировок Джо, занятий флейтой Кэролайн, собственными тренировками и соревнованиями по бегу. Рене заботилась, чтобы мы надевали в школу чистую одежду, чистили зубы, причесывались, успевали на школьный автобус, делали уроки. Рене разжигала огонь в печи, когда он гас. Подделывала подпись Нони на чеках и разрешениях. Готовила спагетти, замороженные бобы и оладьи из растворимой смеси. Мы приучились существовать без матери, но мы не могли бы существовать без Рене.

– Может быть, – сказала Кэролайн, – стоит пойти разбудить Нони?

В тот день мы еще не видели нашей матери. Впрочем, вчера мы тоже ее не видели.

– Нет, – ответил Джо. – Я пойду разыщу Рене.

Я увидела в нем тот же дух решимости и принятия ответственности на себя, что и в тот день, когда Эйс упал с плотины.

– Я тоже хочу пойти, – сказала я.

Джо присел на корточки и поглядел мне в глаза.

– Фиона, я лучше пойду один. Так получится быстрее. А ты нужна тут, чтобы не оставлять Кэролайн одну. Чтобы ей было не страшно.

Я думала, что Кэролайн не согласится с этим, но она только кивнула:

– Да, Фиона, пожалуйста, останься со мной. – Глаза у Кэролайн покраснели, а голос дрожал.

Так что я осталась, а Джо шагнул за дверь и исчез в ночи. Мы с Кэролайн сидели на диване в ожидании. Мы не разговаривали, не включали телевизор; доев бутерброды, мы внимательно прислушивались к звукам, любым звукам, исходящим из комнаты Нони.

Прошло минут сорок пять, может быть, целый час, и наконец дверь распахнулась, и Джо с Рене, запыхавшиеся и возбужденные, ввалились в дом. Меня волной охватило облегчение – я не отдавала себе отчета, что так ждала этого. Кэролайн разрыдалась.

– Что случилось? – спросила я. – Где ты была?

Рене быстро задернула шторы, выключила свет и загнала нас всех на кухню в дальней части дома. Она была сосредоточенной и резкой. На левой щеке у нее был кровоподтек, кожа вздулась и припухла, и внезапно, в первый раз за весь вечер, мне стало страшно.

– Сядьте, – велела Рене, и мы уселись за кухонный стол.

На автобусной остановке стояла машина, рассказала нам Рене, коричневая машина с мужчиной за рулем. Локоть из окна, солнечные очки, хотя уже темнело и солнце почти зашло.

– Детка, – позвал он. – Я тебя видел. Хочешь прокатиться?

От остановки до нашего дома было пятнадцать минут пешком. Рене не хотела кататься, уж точно не с этим человеком, о чем ему и сказала, но он начал медленно ехать за ней вдоль тротуара. Других машин вокруг не было, и Рене стало холодно и очень страшно.

– Я думала, что не смогу бежать достаточно быстро, – сказала она.

И это Рене, которая была прирожденной бегуньей, бедра которой были не толще моей руки, которая скакала по пересеченной местности, выигрывая соревнование за соревнованием, получая медаль за медалью, дитя горной козы и газели. Она никогда в жизни не говорила, что не может выиграть какую-то гонку.

– Я не знала, что делать, – продолжала она. – Я боялась, что он поедет за мной сюда, и я пошла по другой улице, и еще по одной, и тут он остановился прямо позади меня, и я побежала и спряталась во дворе у Хантеров. Помните, там у них есть такая качалка с доской? Я спряталась за доской и сидела там, пока не услышала, как Джо меня зовет.

Джо сказал, что он бегал по округе, увеличивая круги от нашего дома, и звал Рене.

– А что у тебя со щекой? – спросила я. – Кто тебя ударил?

Рене осторожно дотронулась до места ушиба на своей щеке, словно только что обнаружив его.

– Ой... я... хм...

– Она поцарапалась о качели, – объяснил Джо. – Она так быстро бежала, что недостаточно низко нагнулась. И ударилась о доску.

Рене закивала, сначала задумчиво, а потом более энергично.

– Да, так и было, – пробормотала она, снова касаясь лица. – О качели.

Тот человек, который назвал Рене «детка», больше не появился. Это было единичное происшествие, но все его последствия она смогла осознать только гораздо позже. Рене перестала ездить на последнем автобусе и ждала, пока ее тренер закончит все дела и отвезет ее домой. Кошмары Кэролайн удвоились и по частоте, и по силе. Я перестала шататься по округе так привольно, как раньше. Может, все это было и к лучшему – мы стали вести себя с оглядкой, и это было более безопасно, но я помню все это только как холодок по спине, как внезапно вспотевшие ладони. Возникла идея, что кто-то следит за нами. Что мы не в безопасности.

Это происшествие сделало всех нас уязвимыми, хотя каждого по-своему. Для Джо это был страх, что что-то может случиться с нами, его сестрами. А для нас, его сестер, это был страх за себя. Человек мог снова прийти за Рене, мной или Кэролайн, но не за Джо. Только девочки были в опасности перед мужчиной с дурными намерениями. Мужчиной в красной, коричневой или серой машине, в очках или без очков, молодым или старым, белым или черным, неизвестным или давно знакомым.

Этот страх обнажил всю непрочность нашего существования во время Паузы. Трещины стали заметнее, и я видела, как они расширяются. Кэролайн и Джо стали ссориться все чаще. Рене начала плакать без всякой причины, а когда она готовила ужин, у нее дрожали руки. Джо проводил все больше времени с друзьями, особенно с девочками. Он был самым высоким в своем классе, и девочки стали проявлять к нему глубокий, живой интерес, как будто он был плюшевой игрушкой для тисканья. Ким, Эшли, Шэннон, Джули. Я помню их хвостики, скрипящие кеды и коллекции наклеек в альбомах с твердой обложкой и пластиковыми страницами. В школе они подшучивали над Джо и угощали его печеньем и соком из своих завтраков. На

бейсбольных тренировках они бегали наполнять его бутылку водой. Они говорили мамам, что их друга Джо нужно свозить в кино, или ему нужен новый пенал, или специальный блокнот для реферата про мамонтов, и не могли бы они помочь? Джо принимал их внимание. Он начал проводить все больше времени с этими девочками, вдали от дома и от меня.

В своей тетрадке я записала слова: *пыль, грязно, дует, одна, Джиллиган, холод, остров, телевизор, кораблекрушение.*

Вскоре после того, как мужчина погнался за Рене, Джо отвел меня в наш старый желтый дом. Я соединила эти события только после происшествия, и не как причину и следствие, а в виде более расплывчатого конгломерата. Некое ощущение нарастающего беспокойства. Тайный внутренний вихрь, ищущий путь, чтобы вырваться на открытый воздух.

День, в который мы пошли в наш старый район, был прекрасным – солнце, чистый прозрачный воздух, ясное небо, шорох пылающих под ногами листьев. Осень во всей своей красе. В желтом доме жили другие люди, семья, в которой явно были и мальчики, и девочки. Мы с Джо постояли на тротуаре, глядя на велосипеды, мячи, летающие тарелки и обручи, которые валялись на лужайке перед домом.

– Машины нет, – сказал Джо. Он держал меня за руку. – Их, должно быть, нет дома.

– А как же все эти вещи? – спросила я.

Джо пожал плечами:

– Пошли посмотрим.

Он провел меня вокруг к задней двери – по боковой аллее, в обход мусорных баков, налево, через лужайку, сквозь патио, и там была задняя дверь, выкрашенная в белый. Я так хорошо знала эту дверь. При виде ее у меня перехватило дыхание.

– Мы, наверно, можем зайти и посмотреть, как там, – сказал Джо.

– Но, Джо, – запротестовала я, хотя и слабо.

Мне тоже хотелось войти. Мне нравилась идея свободно рассмотреть чужие вещи, покопаться в косметичке их мамы, проверить, играют ли они в «Скрэббл». Может, я найду там дневник, тетрадку вроде той, что веду я, наполненный тайными мыслями другой девочки. При мысли о такой возможности по мне пробежала легкая радостная дрожь.

Я шла за Джо, который распахнул заднюю дверь и покричал: «Привет! Привет!» Мы стояли в кухне, нашей старой кухне, прислушиваясь к тиканью часов и тишине, охватившей дом. Комната казалась точно такой же, отличающейся только какими-то мелочами. Новый круглый стол. Незнакомые фотографии, прилепленные на холодильник. Запах тоже был другим, сильнее, чем мне помнилось, и более химическим.

– Пошли вверх, – сказал Джо.

Мы медленно взобрались по скрипучим ступеням. Я тут же направились в бывшую свою комнату, но замерла на пороге. В отличие от кухни, эта комната заметно переменилась – кровать, занавески, плюшевые игрушки, все стало другим, и, самое странное, в углу теперь стоял светящийся синим светом и булькающий аквариум. Я не увидела ни настольных игр, ни манящих тетрадей. Я сделала шаг в комнату и замерла, наблюдая за тем, как рыбы мечутся в своем бессмысленном танце. Того же размера, что плотвички в пруду, эти рыбы были яркими, все в пятнах и полосах, и двигались быстрее, но без особой цели. Этим рыбам было нечего делать, некуда плыть. Они были в плену.

– Фиона, – позвал Джо из коридора. – Фиона! Иди сюда!

Я нашла его стоящим там, где была спальня наших родителей. Эта комната тоже стала неузнаваемой, лаковая мебель стояла непривычным образом, а на стене висела большая абстрактная картина.

– Я думал, он будет тут, – сказал Джо.

– Кто? – не поняла я.

– Папа. Мы же ищем папу. Мы за тем и пришли.

– Папа? – Я с трудом могла вспомнить отца. Я редко думала о нем, и то только в связи с Нони и всем, что пришлось ей вынести. – Джо, ты уверен?

– Да, уверен, – сердито прошептал он. – Тихо, тсс. Я знаю, что он придет.

Тоска, прозвучавшая в голосе Джо, разбила застывший воздух на миллион острых осколков и повергла меня в остолбенелое молчание.

И мы стали ждать, замерев посреди комнаты, которая больше не принадлежала нашим родителям. Воздух становился все гуще, стены подступали все ближе. Я слышала тяжелое дыхание Джо и тихое *тик-так* часов из другой комнаты. Минуты тянулись и скручивались в тугую спираль. Я кусала щеку изнутри и ждала, чтобы Джо перестал ждать. Все это вызывало во мне головокружение и легкую тошноту. Даже тогда я не верила, что мы когда-нибудь снова увидим нашего отца.

Вдруг я внезапно начала хихикать. Тишина, беспокойство, боль в коленях, вся общая ненормальность. Я больше не могла этого вынести.

– Джо-о-о! – Я вытянула вперед руки и зашевелила пальцами. – Смотри, смотри, я привидение. Джо! Смотри!

Я пошла в его сторону с вытянутыми руками и увидела, как по его лицу промелькнули облегчение и тень стыда.

– Да уж, привидение, – фыркнул Джо и рассмеялся. – Здорово я тебя разыграл?

Внизу хлопнула дверь машины, и мы оба вздрогнули. Послышались голоса, затем шаги у парадной двери. Джо схватил меня за руку, и мы вместе сбежали по лестнице и выскочили через заднюю дверь. Запыхавшиеся и напуганные, но при этом смеющиеся, мы пробежали через боковую калитку и соседскую лужайку и вернулись домой в серый дом.

Я никогда никому не рассказывала об этом случае, хотя позже я разглядела в нем указание на конец Паузы. Какие-то вещи стали невыносимыми. Нарастающее давление грозило взрывом. Ответственность Рене, кошмары Кэролайн, Джо с его... Я не знала, как это назвать. Его удача. То, как ему удавалось все и ничего. Как он улыбался, откидывая вихор со лба, и говорил что-то, что всем хотелось услышать, но при этом, казалось, все это было только внешним, вне его самого, лишь ответом на пожелания других, которые что-то от него хотели. Тренера Марти, Нони, команды, друзей, учителей, девочек. И даже нас, сестер.

А чего же хотел сам Джо? Я никогда этого не знала. Только годы спустя, после катастрофы, я поняла, что никогда даже не думала спросить об этом.

* * *

После того случая с Рене кажется особой иронией, что спасение пришло к нам именно от человека в машине. Пауза закончилась потому, что человек в машине притормозил и остановился.

Именно Рене, конечно, следила за тем, чтобы Джо не пропускал ни одной тренировки и ни одной игры. Шел четвертый год тренировок Джо в Малой лиге. Его спортивные успехи были редчайшей орхидеей, о которой мы все неустанно и бережно заботились, постоянно поливая, окучивая и нахваливая. «Передай маме, что у Джо все просто отлично, – говорил Рене тренер Марти. – Скажи, что он такой – один из миллиона».

Дважды в неделю мы, все четверо, отправлялись из дома на игровое поле Бексли. Идти надо было километра два по тихим городским улочкам, а потом еще километра три по открытому быстрому шоссе № 9, четырехполосной дороге, идущей мимо пустых полей, покрытых желтой травой, старых покосившихся заборов, нескольких заброшенных домов и одной заправки с самообслуживанием. Там не было тротуаров, и мы шли по обочине или прямо по траве. Конечно, для проезжающих мимо мы представляли довольно любопытное зрелище – Рене, уверенно и твердо шагающая впереди, Джо в безупречном бейсбольном снаряжении, с

битой на плече, я, с развевающимися по ветру спутанными кудряшками, и Кэролайн, плетущая позади всех, в длинной юбке, напевающая себе под нос. Вся дорога занимала у нас больше часа.

Однажды утром возле нас притормозила машина, и через открывшееся пассажирское стекло выглянул человек. Это был тренер Марти.

– Что вы тут делаете, дети? – спросил он. – Джо Скиннер, это ты, что ли?

– Мы идем на тренировку, – ответила Рене, не останавливаясь. – Я провожаю Джо на поле.

Машина тренера Марти медленно ехала рядом с нами, пока он обдумывал свой ответ. Он посмотрел, как я жую кусок жевательной резинки, слишком большой для моего рта, и съехал на обочину перед нами.

– Я вас подвезу, – сказал он. – Залезайте.

Рене помедлила. Потом мы хорошо узнаем Марти Роача, но тем утром он был для нас только тренером Джо, забавным дядькой с черными усами, которого мы видели на поле изда-лека.

– Мы отлично дойдем, – осторожно произнесла Рене. – Мы каждую неделю так ходим.

Был холодный весенний день, вдоль дороги и полей дул ветер, пробираясь под наши тоненькие пальтишки. Мы дрожали, пряча руки в карманы. Порыв ветра забросил длинные волосы Кэролайн ей в лицо.

– Рене, ну пожалуйста, – взмолилась Кэролайн. – Давай поедem с ним? – Под глазами у нее темнели круги. Похоже, ее терпение было на пределе.

Рене посмотрела на дорогу, на Джо, который кивнул, и ответила Марти:

– Хорошо.

Машина Марти пахла мятой и табаком, не сигаретным, а трубочным, древесным запахом табачной крошки, и показалась мне очень уютной, вроде комнаты с камином перед Рождеством. Много позже я буду встречаться с человеком гораздо старше меня, курящим трубку, – это продлится совсем недолго, но в первый раз, когда он вынет и зажжет трубку, я снова окажусь на заднем сиденье этой машины. Большие мясистые руки тренера Марти на руле, белый купол его затылка с темно-коричневыми остатками волос, серые виниловые сиденья, выдвижной подлокотник посередине, который он поднял, чтобы мы все уместились, а из него высыпался какой-то зернистый песок, и он смахнул его прямо на пол тыльной стороной ладони.

– Вот так, – сказал он, когда мы, все четверо, тесно уселись бок о бок на заднее сиденье.

Считается, что в маленьких городках нет никаких секретов, но я думаю, что это неверно. Я уверена, что в Бексли были люди, которые знали о Нони, но предпочитали держать это при себе. Нони была секретом; Нони была тем, что не обсуждалось. В те времена не было опции «отправить всем» в местной рассылке электронной почты. Надо было поднять телефонную трубку и ждать, что человек, с которым ты хочешь поговорить, ответит тебе. Надо было выйти из дома, завести машину, доехать до нового дома Скиннеров, постучать в дверь и надеяться, что Антония Скиннер немедленно не отправит тебя обратно, как она поступила с миссис Липтон, когда та попыталась привезти нам жестянку печенья на самое первое Рождество.

Дети Скиннер ходили в школу. Были сыты. Да, им выдались нелегкие времена, – и, конечно, это все понимали. Но никто не хотел вмешиваться. И мы остались одни.

Один только тренер Марти не оставил нас в покое. После той, первой, поездки прошла неделя, а может, месяц или даже сезон, я точно не помню. Но я помню, как однажды Марти Роач пришел вместе с нами к нам домой.

В тот вечер была бейсбольная игра, матч полуфинала между «Мавериками» и «Орлами» из соседнего городка Милфорд. Джо забил три мяча, не сделав ни одной ошибки, поймал высоко на лету мяч возле шестой лунки, и было прямо заметно, как надежда покидает лица милфордских игроков. Когда игра завершилась, солнце клонилось к закату, озаряя все ярко-

розовыми и золотистыми лучами, а воздух насыщен живым теплом. Мои руки были липкими от растаявшего мороженого. Джо в своей пурпурно-зеленой форме казался в этом закатном свете королем, уставшим королем в грязи и блеске.

После игры Марти отвез нас домой. Я помню, как стояла рядом с ним возле входной двери, которая была того же унылого серого цвета, что и весь дом. Занавесь от мух, висевшая на ней, была порвана давным-давно, когда мы с Джо как-то играли в пиратов. Оторванный угол свисал, едва не касаясь пола.

Рене отперла дверь своим ключом и пустила нас, не помедлив ни секунды. Она распахнула эту дверь, словно бы говоря: *«Вот. Посмотри и скажи мне, нормально ли это?»*

Тренер Марти встал посреди нашей гостиной – бардака из нераспакованных коробок, грязной посуды, игр, полуразрушенных крепостей, раскиданной одежды, остатков печенья, которые я несколько дней назад оставила для потерянного плюшевого медведя, – и окликнул нашу мать.

– Миссис Скиннер? Миссис Скиннер? Антония?

Никакого ответа. И тут Рене закричала:

– Нони! Нони, иди сюда!

Через какое-то время мы услышали скрип шагов по полу. В конце коридора возникла Нони в своем грязном халате, со спутанными длинными волосами, и в эту минуту мы увидели ее другими глазами. Ее лицо было нездорово бледным, ноги босыми. Я заметила, что от немых полов, грязной посуды, сырых полотенец и пыльных углов в доме пахнет затхлым. То, что мы раньше воспринимали как отдых, просто отдых Нони, сейчас показалось мне совершенно ужасным.

Наша мать взглянула на Марти и сказала: «О! Привет».

* * *

Вскоре после этого из Кливленда приехала наша тетя Клаудия. Это была бездетная сестра нашего отца, намного старше его, и мы раньше видели ее только однажды, на похоронах. У нее были туго закрученные седые волосы, лежащие на голове, как купальная шапочка, и длинное лошадиное лицо. Клаудия привезла с собой один розовый чемодан и атмосферу жесткой уверенности. Наша мать исчезла из дому; наша мать вернулась; дом стал чистым; мы стали чистыми. Наша мать снова уехала из дому, на сей раз на ней был строгий синий костюм, а губы накрашены ярко-красной губной помадой. Клаудия сказала нам, что Нони ищет работу и что давно пора бы.

– Вам надо привыкать, – сказала Клаудия, пока мы смотрели Нони вслед. – Слишком много валяться без дела никому еще не пошло на пользу. Запомните это. Лучшее средство от тоски – быть чем-то занятым. Это просто, но это так.

Сама тетя Клаудия была живым воплощением этой мудрости. Она была наименее печальным и самым занятым человеком, которого я встречала. Она сновала по дому с тряпкой и пшикалкой, как птица, ищущая раскрытое окно, и все, чего она касалась, становилось чистым, аккуратным, сияющим. У себя дома тетя Клаудия работала кассиром в банке в Северном Рой-алтоне, Огайо, в пригороде Кливленда. Она рассказывала нам о сложностях своей работы, о тайнах, скрытых в банковских сейфах, где люди могут хранить самые странные вещи.

– Как-то один человек пришел и арендовал сейф для пары туфель, пары женских туфель, – рассказывала она. – Ну вот зачем кому-то такое делать?

Четыре недели кряду тетя Клаудия готовила нам большие сытные обеды, которые мы поедали, пока у нас не распирало желудок; она крутила в стиральной и сушильной машинах кучу за кучей грязного белья; она читала вслух книжки, которые мы читали раньше, но мы все

равно слушали; она купила нам краски, и мы прилежно раскрашивали деревья и зверей, хотя были уже слишком большими для раскрасок.

Я записала: *мускул, густой, ясный, теплый, скрипящий, мыло, подливка, мясо, сыт.*

А больше всего мы любили, когда Клаудия рассказывала нам истории про папу, когда он был маленьким. Как он ужасно боялся муравьев, что любил есть больше всего (тефтели), про операцию, когда ему было десять лет и он сломал сустав большого пальца правой руки (она называла его «спусковой палец»). Когда она припоминала все это, ее глаза начинали блестеть, и она промокала их бумажной салфеткой, которую вытаскивала из маленького пакетика, который повсюду носила с собой.

Как-то за обедом тетя Клаудия вдруг заявила:

– Джо, как же ты похож на отца. – Она помолчала и высморкалась в салфетку. – Ты теперь единственный мужчина в семье. Не забывай об этом.

Мы как-то никогда раньше не воспринимали слово *мужчина* по отношению к Джо. Когда Клаудия сказала это, мы все повернулись к нему. Мы ели розовые отварные сосиски с белыми булками, которые исчезали в наших ртах, как конфетки. Нони была на очередном собеседовании.

Джо внезапно показался нам другим. Он тоже почувствовал это. Он расправил плечи и выпятил грудь. «Теперь я мужчина в семье», – повторил он, и я хихикнула, потому что это показалось мне нелепым и странным. Джо было десять лет. Мужчина.

Хотя мы грелись во внимании Клаудии и с интересом слушали ее рассказы, внутренне мы оставались начеку. За месяц, что она провела с нами, мы получали столько информации, питания и внимания, что практически не разговаривали. Мы делали все, что она говорила. Мы не ссорились, не огрызались и не устраивали беспорядка, потому что были слишком ошеломлены ее мощным, умелым присутствием. Но втайне каждый из нас задумывался: что же будет, когда тетя Клаудия уедет?

В последний вечер тетя Клаудия повела всех нас в Международный дом оладий. Мы праздновали, что Нони получила работу секретаря в зубной клинике доктора Харта на другом конце города. Доктор Харт, давний конкурент отца, как раз искал кого-то вроде нашей матери, кто знал бы все тонкости дела, владел зубоврачебным словарем и понимал сложности жизни дантиста.

Нони коротко постриглась, оставив лишь небольшие крылышки по краям, как Билли Джин Кинг⁴, и я была потрясена, увидев ее впервые без массы темных волос. За оладьями с черникой она то и дело подымала руку к шее и проводила пальцем там, где линия волос касалась кожи.

– Клаудия, спасибо, что ты так хорошо позаботилась о нас, – сказала Нони, приподымая стакан апельсинового сока.

Мы все чокнулись и крикнули: «Ура!»

– Да не за что, – ответила Клаудия. – Жаль только, что я не приехала раньше. Я не хотела мешать тебе, Антония. Правда.

Нони только кивнула.

– Но я не знала, что твои родители умерли. И у тебя нет братьев и сестер. Я не понимала, что ты совсем одна, Антония. Я правда не понимала.

– Ничего. Мы теперь в порядке. Да, дети? – И Нони оглядела всех нас за столом.

Наши пальцы были липкими от кленового сиропа, зубы и внутренности сводило от съеденного сахара. Мы уничтожили гору оладий, но наши желудки все еще казались пустыми. Были ли мы в порядке? Да. Один за другим мы посмотрели на Нони и кивнули. Даже Рене кивнула.

⁴ Американская теннисистка.

– Да, – сказали мы. – Мы все в порядке.

– Хорошо, – сказала Нони. – Хорошо. – И улынулась нешироко, но уверенно.

Так это и произошло – мы простили нашу мать. Мы простили Нони не потому, что у нас больше никого не было, хотя это так и было, но потому, что она была нашей общей. Она принадлежала нам всем четверым, и, если бы один из нас не простил, это значило бы, что остальные тоже не могут, а никто из нас не хотел брать на себя бремя такого решения. Никто не мог снова отнять Нони у остальных.

* * *

После отъезда тети Клаудии Нони вернулась в мир даже с какой-то яростью. Она стала называть себя феминисткой и призывать нас, своих дочерей, тоже быть феминистками. Она покупала книги Глории Стайнем и Жермен Грир, которые читала нам вслух за ужином. Шел 1984 год.

– Лучше поздно, чем никогда, – говорила Нони.

Мамы только очень немногих моих друзей работали. Одна была профессором в Университете Коннектикута и носила полукруглые очки на лиловой цепочке вокруг шеи. Другая была семейным адвокатом, у нее в Бексли был офис, в окне которого висела табличка с ее именем, написанным золотыми буквами. Но у большинства мамы оставались дома, следили за детьми, возили их в кино и сустились на кухне, гремя кастрюлями и намазывая арахисовым маслом соленые крекеры, чтобы угостить после школы. Когда отец был жив, Нони тоже была такой матерью. Но, начав работать у доктора Харта, Нони изменилась. Она рассказывала нам про свой день в клинике, про пациентов и про сложные зубоврачебные процедуры, про новую систему хранения записей и про аварию прямо у дверей клиники, из-за которой улицу перекрыли на несколько часов. Из этих историй на нас проглядывала Нони, наслаждающаяся жизнью без нас. Жизнью, полной драм и интриг, такой далекой от тишины серого дома и нас, ее детей.

В третьем классе я наизусть прочла на уроке стихотворение Сильвии Плат «Соискатель», что страшно смутило бедную мисс Аделаиду, нашу учительницу. («Живая кукла, как ни погляди / она готовит, шьет и говорит».) В четвертом классе я нарядилась на Хеллоуин Глорией Стайнем и провела весь вечер, объясняя смысл моих расклешенных брюк и водолазки. В пятом классе Нони вызвалась помогать на уроке здоровья в нашем классе, и я расхаживала по классу, раздавая тампоны и прокладки в бордовых пластиковых упаковках.

Нони говорила нам, как сожалеет о Паузе. Она хотела как-то восполнить нам все эти утраченные дни своего отдыха. Пропущенные матчи по бейсболу, родительские собрания, концерты Кэролайн и соревнования Рене по бегу, ужины, укладывания спать и любовь.

– Мне так жаль, – говорила она. – Ужасно, ужасно жаль. Я должна была обратиться за помощью. Слава богу, что не случилось ничего ужасного.

Мы переглядывались и ничего не говорили про пруд, про случай с Эйсом или про человека, который преследовал Рене на автобусной остановке. По сути, мы ничего не рассказывали Нони про Паузу. Мы без слов договорились, что лучше оставить эти события в тайне. Мы смотрели на это, как на способ избежать наказаний, но также и как на способ защитить Нони. Мы считали, что ей нужны забота и укрытие, и мы не должны подвергать ее лишним переживаниям. Наша мать была пламенным горнилом, дикой, но прирученной собакой-спасателем.

Сама Нони теперь рассматривала свою прежнюю жизнь и замужество как сказку-предупреждение, а время своего парализующего горя – как цену, которую мы все заплатили за ее глупость. В этой сказке наш отец возникал, как рьяный, но бестолковый принц, который увлек прекрасную принцессу жить-поживать в замок, полный фальшивых стен и зеркальных ловушек. Когда же принц внезапно исчез, оказалось, что замок – всего лишь картонная коробка и

нет ни кареты, ни лакеев, только тыква и плачущие мыши. Ужас от всего этого поверг принцессу в глубокий сон до тех пор, пока фея-крестная – а вовсе не другой принц, ничего подобного – не пробудила ее. И что же увидела принцесса, проснувшись? Что приветствовало ее на выходе из стеклянной комнаты? Конечно же, мыши. Они карабкались по развалинам замка, напоминая ей о том, что она сможет построить его заново – сама.

Глава 4

Шел 1989 год. Президентом был Джордж Буш-первый. Весь предыдущий месяц мы смотрели по телевизору, как юноши и девушки с допотопными прическами и в странной одежде рушили Берлинскую стену кувалдами. В воздухе витало ощущение больших перемен и уменьшившейся угрозы. Стоял прекрасный теплый июньский вечер, мы ужинали в гостиной, перед открытой дверью. Мотыльки, летящие на свет, бились о занавеску. Ночной воздух пах сыростью и асфальтом.

– Я не хочу, девочки, чтобы вы повторили мои ошибки, – говорила Нони. – Да, я любила вашего отца, но вы не должны рассчитывать на мужчину. У вас должны быть собственные деньги. Собственное направление в жизни.

Мы уже привыкли к этой теме. Мы все кивали. Мы ели свиные отбивные с вареной брокколи, недоваренные зернышки риса застревали между зубами. У Джо сегодня была игра, и он все еще был в своей форме, испачканной спереди. Это случилось, когда он растянулся перед седьмой лункой. На подбородке тоже виднелась капелька грязи.

Когда Нони рассуждала о феминизме, Джо в основном молчал, сидя с широко раскрытыми, любопытными глазами. Он боялся задать неверный вопрос, который бы вызвал у матери раздражение, и чувствовал – правильно, – что эти рассуждения были не для него. Они предназначались нам, девочкам. Нони считала, что этот мир гораздо жестче относится к женщинам, чем к мужчинам, особенно к женщинам без мужчины, а ты можешь стать такой в мгновение ока. Нони хотела, чтобы мы были готовы к жизни. Путь Джо будет гладким, вымощенным желаниями всех тех, кто им восхищался и хотел, чтобы он преуспел.

Мы с Рене внимательно слушали материнские наставления и сегодня, и всегда. Мы кивали и применяли слова типа *патриархат*, *привилегия* и *гендер*. Вскоре после окончания Паузы Рене объявила, что хочет стать врачом, и на это теперь были направлены все ее усилия. Продвинутые курсы химии, биологии и алгебры; работа на полставки в лаборатории в Нью-Хейвене; капитан команды Бексли по бегу.

Лишь шестнадцатилетняя Кэролайн зевала, рассматривала свои ногти или, иногда, пыталась оспаривать заявления Нони.

– А что, если мы хотим выйти замуж? – спросила Кэролайн сегодня. – Что, если мы *хотим* других людей?

Длинные волосы Кэролайн ниспадали ей на спину, отсвечивая светлым блеском из «Солнца во флаконе», которым она пользовалась каждое утро, когда сушила их феном. Мы знали, что она думает про Натана Даффи и Козлов, которые теперь называли Кэролайн почетным Даффи. По утрам Натан проезжал мимо нашего дома на велосипеде, оставляя на верхней ступеньке незатейливые подарочки: серебристую упаковку пыльных леденцов, шелковистый коричневый каштан размером с детский кулак, одинокую розовую пушистую гвоздику.

Нони ответила на вопрос Кэролайн в общем смысле. Даже если она и знала, что подарочки под дверью предназначались Кэролайн, она не считала, что они имеют хоть какое-то значение.

– Ради бога. Пусть будут другие люди, – сказала Нони. – Но помни, что они могут бросить тебя – пух! В одно мгновение. Раз – и нету. Просто будь к этому готова.

Такой ответ не понравился Кэролайн. Она поежилась, заерзала на стуле, быстро заморгала, а ее лицо покраснело. Казалось, она сейчас заплачет.

– Кэролайн, – обратилась к дочери Нони, смягчая голос. – Извини. Я не хотела тебя пугать, правда. Нет. Я только хотела *предупредить* тебя. Чтобы тебе не пришлось страдать. Чтобы тебе было проще, лучше, чем пришлось мне. – Она взяла Кэролайн за руку.

Мы доели отбивные; у каждого на тарелке осталась обгрызенная полукруглая кость.

Мне хотелось верить, что нам не придется страдать, как Нони, но ее уроки было трудно внедрить в контекст нашей текущей жизни. Сама Нони начисто отказалась от мужчин и свиданий. Ей было проще и лучше одной. Мы же каждую субботу смотрели сериал *«Лодка любви»*, замирая от смеси смущения и удовольствия, когда в каждом новом кадре привлекательные пассажиры флиртовали, целовались и разбивались на пары во время своего тропического круиза. Будет ли так и с нами? Кэролайн казалась мне чистейшим примером истинной любви – Натан истинно и верно поклонялся ей. Но даже их отношения зависели от родительских причуд и отсутствия снега, который зимой делал крышу слишком опасной для того, чтобы Кэролайн пробиралась по ней и спускалась к ожидающему в машине Натану.

Кэролайн, еще всхлипывая, обернулась к Нони.

– Можно, я попрошу о чем-то? – тихо спросила она.

– Конечно, – ответила Нони.

– Я подумала, можно, пожалуйста, чтобы отбой у меня был хоть немного позже. Только по субботам. Или по пятницам. Один день в неделю. – Глаза Кэролайн, еще мокрые от слез, блестели. – Ну пожалуйста? – взмолилась она.

Я практически считала Натана одним из нас, Скиннеров. Он любил тайную камышовую зелень пруда; он знал про Паузу. Я видела, как он рос, так же, как видела Джо, со всеми внезапными скачками роста и грубыми, похожими на камуфляж пятнами проросшей вдруг на щеках и шее бороды. Но Нони ничего об этом не знала. Для нее Натан представлял тот же риск и опасность, что и бродячий пес, приведенный домой из парка. Укусит ли он? Долго ли он тут останется? Как он ни старался понравиться ей, она продолжала смотреть на него с подозрением.

– Я собираюсь изучать биологию, – сказал он как-то Нони. – Стать профессором в университете. Меня особенно интересуют амфибии, в основном лягушки. Они исчезают. Лягушек надо спасать.

Этот интерес проснулся в Натане на нашем пруду. Лягушки-быки, поющие баритоном, и более мелкие, зеленые, как молодые листья. Плюхающий звук, с которым они прыгали в воду. Выпученные глаза без века, блестящие, как желе.

Но Нони не интересовали ни лягушки, ни сам Натан. Она установила для Кэролайн, Рене и меня строжайшее время отбоя – 23:00, хотя было ясно, что ни я, ни Рене в этом не нуждались. Мне было двенадцать лет, я была в шестом классе, и мне некуда было ходить по вечерам, чтобы делать что-то особенное. Моим самым вызывающим поступком было пробраться в кино без билета с подружкой Вайолет и слопать там слишком много попкорна.

Рене занималась по ночам органической химией и выбирала между различными медшколами. После одной скоротечной романтической неудачи в прошлом году со старшеклассником из команды борцов, Бреттом Свенсоном, Рене полностью игнорировала всех мальчишек. Она говорила, что слишком занята и ей не до того. Так что отбой Нони она восприняла, только пожав плечами.

Тем весенним вечером, когда мы все вместе сидели за столом, Нони наклонила голову набок и прищурилась, раздумывая над просьбой Кэролайн о более позднем отбое.

– Нет, – сказала она. – Мы уже обсуждали это, Кэролайн. Отбой введен не просто так. Я хочу, чтобы ты была дома.

– А как насчет Джо? – спросила Кэролайн.

Джо и вправду с легкостью скользил поверх всех дисциплинарных запретов Нони. Ему разрешалось ходить на вечеринки и на любые свидания, чем он и пользовался. И – что было особенно обидно Кэролайн – оставался там допоздна сколько угодно. К старшим классам Джо стал почти двухметровым центровым игроком с ловкостью и шармом Вилли Мейса и добродушной ухмылкой и слегка сонным взглядом Джо Ди Маджо. Девочки вешались на него, а мальчики таскались за ним по коридорам и приглашали на тусовки. Учителя многое спускали Джо, даже не отдавая себе в этом отчета. Джо Скиннер с его веснушками, мягкой раскачива-

ющейся походкой, легкой хрипотцой в голосе, высокое золотое обещание. Родители привычно поздравляли Нони, понимая, что просто даже иметь такого сына, как Джо, – быть источником ДНК, производших такого мальчика, – уже само по себе достойно поздравлений.

Нони сказала, что Джо отбой не нужен. Он и так всегда вставал засветло, чтобы успеть на тренировку. Он терпеть не мог алкоголь. Ненавидел его вкус, ненавидел то, каким от него становится – неловким, спотыкающимся, расфокусированным. А если учесть, что он, будучи единственным трезвым среди кучи поддатых старшеклассников, всегда потом развозил их по домам, то от него, можно сказать, была еще и общественная польза. Как Нони могла подвергать риску другие жизни только для того, чтобы настоять на своем?

– Но Джо даже младше меня! – возопила Кэролайн.

Нони вздохнула.

– Послушай, если Джо нужно на час больше времени, чтобы уберечь чьего-то сына от того, чтобы сесть пьяным за руль и убиться по дороге, – я готова разрешать ему это и впредь, Кэролайн.

Мы все молчали. Мы и раньше не раз видели этот спектакль и всегда с тем же результатом. Сейчас, предсказуемо, как Рождество, Кэролайн выскочит из-за стола, выбежит в коридор и захлопнет за собой дверь так, что затрясутся все стены.

Но в этот раз она так не сделала.

– У тебя есть любимчики, – обвиняюще заявила Кэролайн. – Ты позволяешь Джо делать все, что угодно, а потом вымещаешь на нас.

Я резко вдохнула. Рене смотрела в стол. Джо закрыл глаза, как будто таким образом он мог исключить себя из конфликта, просто отказываясь признавать, что он разгорелся.

– Это не так, – ответила Нони.

– Нет, так. – У Кэролайн покраснели щеки. Голос взлетел, словно она кинулась с обрыва в реку. – Мы все должны таскаться на каждую чертову игру. Тебе наплевать, какие оценки он получает. Ему можно гулять допоздна, а он спит там с девчонками, которые старше его. Ты знаешь об этом? Джанин Бобкин, Кристи из Хэмден Хай. Эта студентка по обмену из Италии. А ведь ему только пятнадцать!

– С тобой, Кэролайн Скиннер, могут случиться гораздо худшие вещи, если ты будешь гулять допоздна. – Нони произнесла это очень тихо, и именно мягкость ее голоса заставила нас прислушаться изо всех сил.

Кэролайн отшвырнула свой стул и вскочила, сверкая глазами. До того момента я всегда считала Кэролайн очень тихой, из тех, кто хнычет, а не кричит, и вышивает на коленке дружеские браслетики. Но она стояла, разъяренная несправедливостью, обрушивая всю силу своей ярости на Нони, которую мы обычно старались всячески ограждать от любого эмоционального напряжения. Теперь, спустя шесть лет после Паузы, подобные предосторожности, возможно, были больше не нужны, но они уже вошли в привычку.

– Я... Я... – заикалась Кэролайн. Решимость, так ярко выраженная на ее лице, не находила пути к ее рту. Мы наблюдали, как сестра борется в поиске нужных слов. – Я... Я... Я тебя ненавижу! – выкрикнула Кэролайн Нони, а потом разрыдалась и убежала в свою комнату.

Повисла опасная, болезненная тишина. Я искоса поглядела на Нони, пытаюсь уловить ее настроение. Но Нони спокойно прихлебывала вино и жевала отбивную. Наша мать, в ее комбинации твердых принципов, воспитательных указаний и дистанции, никогда не была понятна нам до конца. Кэролайн же, напротив, была душой нараспашку. Мать учила нас, как защищаться от возможного вреда, но никогда не объясняла, ради чего все же стоит рискнуть.

Джо заговорил первым. Он открыл глаза и спросил:

– Может, мне надо извиниться? Мне кажется, это я виноват.

– Нет, тебе не за что извиняться, – в своей прямой манере ответила Нони. – Просто дай ей немного времени.

Она допила вино, отнесла на кухню свою тарелку и пошла в комнату Кэролайн. Я слышала, как она стучит в дверь и ее терпеливые слова: «Кэролайн, пожалуйста, открой. Каро?»

Рене стала убирать со стола. Я помогала ей, пока все тарелки были поставлены в посудомойку, стол вытерт начисто, а Рене уселась над своей тетрадкой по алгебре, размечая что-то на ее страницах ярко-желтым маркером толщиной с сигару. В комнате все еще пахло мясом и паром. Дверь уже была закрыта, дом закупорен и зашторен от подступающей ночи. Нони наконец получила доступ в комнату Кэролайн. Я слышала доносящиеся оттуда приглушенные сдавленные всхлипывания и краткие сердитые вскрики.

Джо заявил, что сделал уроки в автобусе, и стоял теперь в холле, прижимая к уху телефонную трубку. Я отправилась в кухню, чтобы еще чего-нибудь съесть. Со времени Паузы я постоянно ощущала голод. Неважно, сколько чего я съела днем, к вечеру я всегда ощущала пустоту в животе. Когда я шла мимо Джо в коридоре, он зажал рукой микрофон трубки и спросил меня:

– Сыграем в морской бой?

Из трубки доносились отзвуки женского голоса и хихиканье.

Я пожала плечами:

– Конечно.

Я разложила игру прямо тут же, на полу в коридоре, и мы начали, усевшись друг против друга по-турецки. Я ела бутерброд с колбасой. Джо, не прекращая телефонного разговора, выпил пару стаканов молока. Беседе он уделял лишь крохи внимания. «Д девять». «Ф десять». «А три». Называя координаты, он всякий раз зажимал рукой микрофон.

– Ты потопила мой крейсер, – сказал он мне.

– Йу-ху-у! – завопила я.

Нахмурившись, Джо сказал девушке, что ему надо идти. С другого конца линии раздались женские протесты. Я слышала сам тон – упрямый, жеманный, но не могла разобрать слов: «Ну, Джо-о». Я сделала большие глаза и покрутила пальцем у виска. «Ду-ура, – показала я Джо. – Вечно ты со своими дурацкими девчонками». Тогда же я поклялась никогда не быть вот такой, слабовольной и развязной, часами болтающей с мальчиком, который только делает вид, что слушает.

Джо поймал мой взгляд.

– Холли, – сказал он в трубку, но она продолжала его перебивать.

– Мне...

– Послушай...

– Погоди...

И тут он вдруг просто повесил трубку.

– Твой ход, – сказала я.

И мы продолжили игру. Джо дергал коленкой, стучал по полу указательным пальцем, морщился и хмурился. В то время какая-то часть тела Джо всегда была в движении. Нога, палец, наклонить шею, покрутить плечами. Он все еще продолжал расти, кости удлинялись, кожа растягивалась, все его существо рвалось вперед, в яркую неизвестность. Жизнелюбие Джо неудержимо выплескивалось из него. Я все время это ощущала.

– Фиона, – сказал он, убирая детали игры.

Он выиграл, но очень ненамного.

– Что?

– Я рад, что ты – моя младшая сестренка.

– Не то чтобы у меня был выбор, – фыркнула я. Но я почувствовала, как мое сердце, большое, горячее, расправляется морской звездой в груди, словно многорукое существо, наконец нашедшее свое сокровище. – Нони в любом случае не согласилась бы обменять меня.

– Тоже верно, – ответил Джо, улыбаясь мне в ответ. Над его верхней губой, застряв в светлых волосах, еще оставались небольшие молочные усы. Он был такой прекрасный, наевшийся и усталый.

* * *

И вдруг, в мгновение ока, оказалось, что под перестук множества браслетов Кэролайн, скрип беговых кроссовок Рене, забавный хриплый хохоток Джо все мои сестры и брат уезжают из дома.

Холодно, одиноко, одна, вместе, мама, брат, сестра, сестра, другие...

Картинка перед глазами: конец новоанглийского лета, влажный, душный день, лужайка, густая и ровная стараниями Нони. День, который мы должны были бы провести у пруда. Но идет 1992 год, и восемнадцатилетний Джо таскает в «Вольво»-пикап Нони чемоданы и пластиковые коробки, старую микроволновку, три бейсбольные биты и две картонные фигуры Билла и Теда в человеческий рост.

– Тебе правда так вот нужны эти картонные уродцы? – спросила Нони, щурясь на солнце.

В кустах на высокой ноте верещала цикада, этот постоянно, циклично повторяющийся звук, такой пронзительный, что ты не замечаешь его до тех пор, пока не перестаешь замечать все остальное, и в этот самый момент он начинает стихать.

– Да, – важно ответил Джо. Потный, в голубых нейлоновых шортах и лилово-зеленой майке «Маверика». – Они мне нужны. Я почти уверен, что они были в том списке. Книжки, тетрадки, Билл и Тед.

– Ладно, ладно, – сказала Нони. – Бери Билла и Теда. Но не вали на меня, когда твои соседи по комнате не захотят с тобой жить. – Подмигнув Джо, она засунула картонную фигуру в багажник.

Все утро Нони носилась по дому, как возбужденный ретривер. Олден-колледж! Наша мать выиграла в родительской лотерее: это была не Лига плюща, но очень близко, и с полным финансовым покрытием. С учетом более чем средних оценок Джо никто не думал, что он может попасть в колледж уровня Олден, но тренер Марти знал местного бейсбольного тренера. А команде Олдена нужен был новый центровой игрок, и им стал Джо Скиннер.

– Джо, не забирай Билла, – крикнула я со своего места на лужайке. – Я его люблю!

Первый час сборов я, как могла, помогала, но терпимая утренняя температура так быстро сменилась тяжелой, густой жарой, что я объявила, что переутомилась, и отыскивала себе местечко в тени.

– Хватит тебе и Теда. Бери Теда, а Билла оставь.

Мой детский жирок так никуда и не делся, как мы все (ну или по крайней мере я) рассчитывали. Тем летом мне исполнилось пятнадцать, и я была опасно пухлой от пубертата, кока-колы, сахарных пончиков и общего отвращения к физическим нагрузкам. Три долгих летних месяца я слонялась по дому, читая чересчур возбуждающего Апдайка и занимаясь липкой, бессмысленной работой в гамбургерной в Бексли, где мне платили восемь долларов в час за то, что я нарезала помидоры и лук и снимала с гриля булочки до того, как они подгорят. Я ощущала постоянное утомление от самой необходимости как-то проволочь свой организм сквозь каждый следующий день. У меня болели колени, ныла спина, воняли пальцы, и все друзья раздражали меня. Мне не хотелось становиться старше; я и так была уже достаточно старой.

Я начала плести венки из одуванчиков, когда во двор въехал старый «Фольксваген» Натана Даффи. С треском открылась пассажирская дверца, и оттуда выскочила Кэролайн в коротком цветастом платье. Белокурые, до пояса, волосы, развевались у нее за спиной, как плащ.

– Ой, я так рада, что вы еще не уехали! – крикнула Кэролайн Джо. – Я боялась, что не успею попрощаться. – Она оглядела лужайку. – А где Рене?

Я показала: Рене сидела на бампере взятого напрокат фургона, в который она еще вчера упаковала все, что понадобится ей на первый год обучения в медицинской школе Бостонского университета. Ее тонкие руки и ноги в микрошортах для бега слегка блестели от пота. Руки скрещены на животе, длинные русые волосы затянуты в хвост, который слегка подрагивает в такт, когда она притопывает ногой. Рене, воплощение нетерпения.

– Да нам еще целый час до выезда, – сказала Рене Кэролайн, взглянула на часы, после чего выразительно посмотрела на Джо. – Как *минимум*.

Джо ухмыльнулся в ответ. «*Присматривай за братом*», – сказала Нони, когда стало ясно, что они оба отправляются учиться в Бостон. И Рене ответила: «*Ну а когда я не?..*»

Натан подошел и уселся рядом со мной на траву, сказав:

– Привет, Фиона.

– Рене, брать зимние ботинки сейчас или подождать, когда мы приедем на Благодарение? – прокричал через лужайку Джо.

– Бери, – ответила Рене, рассматривая заусенец. – До приезда домой может пойти снег.

Приезд домой. Они все уезжали. За какие-то две недели я расставалась с Джо, уезжавшим в колледж, Рене – в медицинскую школу и Кэролайн – в Лексингтон, Кентукки. Этой весной Натан досрочно окончил университет Коннектикута и поступил в аспирантуру по биологии. Кэролайн решила перевестись в другой университет. Хотя были вопросы, какие курсы и как ей засчитают, тот факт, что она уезжает с Натаном, не обсуждался.

Мы с Нони оставались в сером доме вдвоем.

– Я буду скучать, Фи, – сказал Джо. Со вздохом он плюхнулся рядом со мной на лужайку и прикрыл глаза рукой. – Сильно.

– И я, – ответила я.

– Да ты будешь рада, что мы свалили. Ну правда же. Никакого шума. Никаких жутких девчонок. – Последнее он громко сказал в сторону Рене, но она проигнорировала его, если не считать быстрого мелькания среднего пальца.

– И пердежа, – добавила Кэролайн, выразительно глядя на Джо. – Она легла и пристроила голову Натану на колени. – В доме будет гораздо меньше вони.

– Хм... Кэролайн, – заметил Джо. – Может, ты не замечала, но наша мамочка может выделять газ, как боксер. Да, Нони?

– Что? Джо? – Нони вышла из дому, неся очередную коробку. – Джо, что ты там валяешься? Почему *все* разлеглись на траве? Мы что, закончили собираться?

– У меня перерыв, – ответил Джо. – Фионе грустно.

– Мне не грустно, – быстро сказала я.

Это, конечно, было вранье, но я противилась мысли, что меня так легко разгадать. Правда же была в том, что я не хотела, чтобы это наше валяние на траве закончилось. Я хотела, чтобы этот несчастный, жаркий день длился вечно. Я хотела, чтобы Джо был рядом со мной, а Рене с Кэролайн поблизости. Чтобы до всех можно было бы дотянуться.

– Нони, – позвал Джо, не меняя позы. – Я хочу, чтобы ты знала, – я собираюсь бывать дома часто, так что не забывай покупать газировку и вот те чипсы «Лейс» со сметаной и луком, а не гадость «Принглс», и еще «Эм-эн-Эмс» со вкусом арахиса, и мороженое с мятой и шоколадом – любой марки, только чтобы зеленое.

Нони стояла над ним, уперев руки в бока.

– Ты запишешь? – спросил он. – Или так запомнишь?

– Именно это я и делаю. А теперь, может, ты встанешь и поможешь мне закончить?

– Фионе я нужнее, – сказал Джо, но приподнялся ровно настолько, чтобы обхватить меня руками и чмокнуть в щеку. А потом он вскочил и снова побежал в дом.

– Бе. – Я вытерла с лица слюни Джо.

Натан улыбнулся, но его лицо было напряженным и отсутствующим.

– Каро, – позвал он Кэролайн. Она сидела с закрытыми глазами. – Сейчас? – спросил он.

– Ой, я не знаю, – ответила она, не открывая глаз.

– Что *сейчас*? – спросила я. Я услышала в голосе Натана легкую дрожь, безошибочный возбужденный трепет.

– Думаю, надо позвать твою маму, – сказал Натан.

Кэролайн распахнула глаза.

Вскоре мы все стояли тесным кружком в тени высоченной акации, на которую я никогда не могла взобраться, и смотрели на Кэролайн и Натана.

– Кэролайн, в чем дело? – спросила Нони.

Натан взглянул на Кэролайн, которая улыбнулась и кивнула. Натан откашлялся, но заговорила Кэролайн.

– Мы поженились! – воскликнула она и захлопала в ладоши, как ребенок.

Эти слова упали среди нас, как в облако, и на секунду все замерли, оторопев и потеряв дар речи. На другой стороне улицы кричала ворона. Где-то вдаль с жужжанием включилась газонокосилка. Кэролайн было девятнадцать.

– Ох, Кэролайн, – выдохнула Нони хрипло, с посеревшим лицом.

– Мы сделали это еще на прошлой неделе, в окружном суде, – сказала Кэролайн, не обращая внимания на Нони. – Вот кольцо. – Она протянула руку, и да, там было кольцо, тоненькая серебряная полоска с таким крошечным камнем, что он казался буквально щербинкой на металле.

– А я-то думала, что буду последней, – сказала Нони.

– Последней в чем? – спросила Кэролайн.

– Последней, кто... Кто принимает такие решения. Ради мужчин.

Кэролайн не ответила. Натан переминался, явно ощущая неловкость. Мы все ждали, как наша мать воспримет новость о замужестве Кэролайн. Она покачала головой и посмотрела на небо, которое было низким, тяжелым и совершенно безоблачным. Мне казалось, она может начать кричать или плакать, и на секунду мы, все четверо, застыли, готовые принять это, в той отчужденной, отстраненной готовности, с которой мы всегда были и будем готовы снова потерять нашу мать в вихре невыносимых эмоций.

Нони глубоко вздохнула. Помотала головой, поморщилась и вытерла глаза.

– Ну что ж, по крайней мере ты не беременна, – сказала она со смешком. И вдруг нервно: – Ты же не беременна?

Кэролайн хихикнула и покачала головой.

– Ну что ж, тогда поздравляю, – сказала Нони. – Это... замечательно!

И все мы вдруг снова смогли дышать.

– Поздравляю! – воскликнула я. – Вот так сюрприз!

Я обняла Кэролайн и отступила, чтобы рассмотреть ее. Казалось, она совсем не изменилась. Я как-то ожидала, что значимость такого события как-то отпечатается у нее на лице, изменит выражение глаз. Но нет, та же прозрачная голубизна, та же бледная россыпь золотистых веснушек. Только Натан казался немного другим: он держался прямее, шире расправив плечи. Возможно, на него давила ответственность, а может, он просто был горд. Муж. Жена. Несмотря на уроки нашей матери, а может, благодаря им я тайно и истово верила горячим посулам любви. Я верила, что ее прикосновения чудесным, необратимым образом изменят всех нас. Однажды и меня тоже.

Я еще не успела осознать это, а Джо и Рене сидели в машине, между ветвей дерева падали длинные солнечные лучи, Нони выкрикивала последние дорожные указания, а Рене кивала и кричала из окна: «Не волнуйся!»

– Увидимся через неделю! – крикнула Нони.

Через несколько дней, когда Нони сможет взять выходной, мы с ней поедem в Бостон к концу ознакомительной недели Джо. И я увижу его комнату в общежитии, изумрудные площадки Олдена и сияющее бейсбольное поле и познакомлюсь с несколькими ребятами, которые станут членами команды Джо, его соседями и лучшими друзьями. Все они, казалось, были отлиты по одному образцу: крепкие, ясноглазые, с потрясающе хорошими фигурами. Джо был таким же. Я тогда подумала, что он вписывается; он нашел для себя нужное место. Мы встретим тренера Джо – высокого блондина с блестящими зубами, который слишком быстро говорил, вынуждая меня затосковать о тренере Марти, – и съедим пасту в столовой для первокурсников, похожей на пещеру. Джо будет таскать нас с одного мероприятия на другое, из здания в здание, в каком-то, в хорошем смысле, ошелоблении, как будто он сам, как и все остальные, был потрясен тем, что оказался здесь, среди стен, поросших плющом, и сплошных круглых отличников.

Когда Рене, осторожно подняв ручной тормоз, тронулась с места, удаляясь от дома, я увидела, что Джо застыл – тонкая улыбка, рука в полувзмахе, длинная, изящная, сильная рука.

– Удачи! – крикнула я.

Это, казалось, было правильно, хотя я и так считала, что Джо – самый удачливый, самый везучий. Казалось, все, чего он хочет, неизбежно выстраивается перед ним, как те мячи, что Эйс когда-то давно метал ему один за другим, а мы, затаив дыхание, следили за этим с трибун.

Чпок, чпок, чпок, чпок!

Каждый удар сопровождался ошеломительной, полной тишиной, и мы смотрели, как мяч взлетал в воздух и стремительно падал вниз, вниз, вниз, пока не ударялся с последним глухим чпоканьем о траву поля.

Часть II Нью-Йорк

2079 год

Огни в зале мигнули, потом еще раз. Микрофон отключился, и я замолчала. Генри, милый Генри встал со своего места в первом ряду и начал подниматься на сцену. Ему было всего восемьдесят четыре, но его колени все эти годы болели от верховой езды, так что он прихрамывал, преодолевая подъем. Возле меня как раз был свободный стул, с которого только что убежал организатор, и Генри сел на него, взял мою руку и поднес к губам. Из второго ряда на нас смотрели молодые мужчина и женщина. У нее были ярко-красные, как флаг, волосы, он обнимал ее за плечи, а ее волосы падали ему на грудь. Они тоже держались за руки. *«Сплетенные, – подумала я. – Связанные, свитые, соединенные».*

И в этот момент зал погрузился во тьму. Я почувствовала, как Генри сжал мою руку. С балкона раздался короткий, резкий вскрик, но остальная толпа сидела тихо. Ни шума рвущихся к выходу, ни истерик. Такие вещи случались слишком часто, чтобы поднимать панику. Но я все равно ощущала в зале накал напряжения. Глубокие вдохи, руки, стискивающие другие руки, выступающий на ладонях пот, глаза, уставившиеся в пустоту. Испуганный и успокаивающий шепот.

Мы просидели в темноте минуту, три, пять. Мои мысли обратились к Луне, той юной Луне из зала, и другой Луне где-то там еще. Жива ли еще эта Луна? Думает ли она когда-нибудь обо мне? Носит ли на пальце кольцо с бриллиантом? Или цепочку на шее? Или они спрятаны где-то в ящике, брошены и забыты?

Мои глаза привыкли к темноте. Несколько указателей на выход светилось оранжевым светом. Зеленоватыми бликами, как светляки летней ночью, мерцали экраны телефонов. Я вспомнила проверку безопасности: в зале строго запрещены все приборы! Но конечно, люди всегда найдут способ обойти правила.

– Весь город обесточен! – воскликнула какая-то женщина, читая с подсветкой.

Эта информация вызвала в зале оживление, вскрики и торопливые, приглушенные разговоры. *«Кого волнует, что там в городе?»* – подумала я. Возможно, это очередной мегашторм, или глубокие подземные толчки, или ураган где-то на Борнео. Новости меня утомляли. Новости нагоняли скуку. Какая разница? Мы сидим тут, как те утки. С тем же успехом можно, вытащив из кармана шоколадку, держать за руку своего любимого и улыбаться.

За сценой я услышала шорох и суетливые шаги технического персонала, которые торопливо пытались наладить освещение.

– Вот он, – послышался голос, – вот генератор.

Раздался звук, как будто волокли тяжелый предмет, и тусклый желтый свет появился вдоль основания стен и вдоль рядов, между сиденьями.

Внезапно помещение переменялось. Оно не было больше темным и угрожающим, но перестало быть большой аудиторией, поделенной на сцену и зал. Теперь это была просто большая уютная комната с выгнутым потолком и множеством стульев. *«О, это уже что-то, – подумала я. – Теперь можно будет поговорить как следует. Можно будет дойти до важных вещей».*

Юная женщина Луна сидела, примостившись на складном стуле. Теперь она снова поднялась. Она тихонько постучала по микрофону, но он не работал, и она просто окликнула меня: «Миссис Скиннер?»

Я испытала нерационально сильный прилив симпатии к ней. Эта родинка на правой скуле. Я старалась вспомнить другую Луну, ту, из прошлой жизни.

– Да, дорогая, – ответила я. – Пожалуйста, продолжайте. – Мне хотелось схватить и защитить ее, вытащить ее отсюда, забрать в свой дом в лесу с его заборами, бункером, генератором и свежей родниковой водой. Там я могла убедить себя, что мы в безопасности.

– Когда начался распад? – спросила Луна.

– Распад? – повторила я.

– Вы сказали, что это история об ошибках любви, – сказала Луна обвинительным тоном. – Вы сами так сказали.

– Да, я так сказала.

– В «Поэме Любви» вы несколько раз повторяете слово *распад*. Вы сказали, что в вашей семье было счастье, а потом... – Луна не закончила фразы. Ее вопрос нависал надо мной, над всеми нами.

– А потом... – повторила я. Откашлялась. Взглянула на Генри, и он подмигнул и кивнул мне, чтобы я продолжала. «Если у меня что и получалось в этой жизни, – подумала я, – так это выбирать мужей».

Когда же начался распад Джо? Я задумалась, как ответить на вопрос Луны. Когда он встретил Сандрин? Или начал работать в «Морган капитал»? Или когда его бейсбольная карьера завершилась в одно мгновение? А может, это началось еще раньше, когда он был еще ребенком, золотым и высоким, похожим на мужчину, которому весь Бексли поклонялся, как местному божку маленького городка. Когда потом я спрашивала об этом сестер, то Кэролайн считала, что все это началось во время Паузы, когда нам впервые открылись пути, по которым может исчезнуть любовь. «Мы были слишком молоды, – сказала Кэролайн, – для такой мудрости».

Рене не согласилась, нет, с Джо это сделала не Пауза. Вспомни день похорон отца, когда он злился и выл. Рене думала, что распад начался еще тогда, в желтом доме, когда Джо, схвативший каминную кочергу, был окружен теми, кто любил его, но никто, даже никто из нас, не мог ему помочь. Вот с той минуты, считала она, это и было написано на его коже, впрыснуто в его вены.

Распасться значит распуститься, отделиться, распутаться, отсоединиться. Разлететься в куски.

– Вот что я вам скажу, – повторила я. – Любовь вашей жизни – та, которую вы предаете больше всего. Любовь, определяющая вас, – та, от которой вы однажды отвернетесь. – Теперь я говорила только для Луны, не для женщины с красными волосами, не для ее партнера, не для безликой массы зала, заплатившей за то, чтобы послушать меня. Только для Луны. – Распад начался, – сказала я, но тут же остановилась и опустила голову. – Боюсь, я не знаю, когда он начался. Но я помню, как впервые осознала, что он происходит.

Глава 5

Осень 2004-го. Год выборов. После 9 сентября прошло уже достаточно времени, чтобы мы не говорили об этом каждый день, но все еще слишком мало, чтобы горизонт Манхэттена не казался разорванным. Я согласилась помочь Кэролайн убраться в новом доме, который они только что сняли в маленьком городке Хэмден, Коннектикут. С тех пор, как Кэролайн с Натаном уехали из Бексли, я видела их семейство очень нерегулярно. За двенадцать лет они переезжали четыре раза, из одного университетского города в другой, потому что Натан защищал диссертацию и искал постоянную преподавательскую работу. Семейство Скиннер-Даффи к этому моменту насчитывало пять человек: Натан, Кэролайн, десятилетний Луис и шестилетние близнецы Лили и Беатрис. Последние разы они переезжали в места, где жили брат и сестра Натана, – Терри в Колумбусе, Мэдди в Остине. Мы уж думали, что они так и оседут в Техасе и дети вырастут с местным характерным говорком и пристрастием к барбекю, но месяц назад Натан получил приглашение на должность с испытательным сроком в небольшом гуманитарном колледже Хэмдена, который находился в получасе езды на машине от Нони в Бексли и в часовой поездке на поезде от меня, Рене и Джо в Нью-Йорке.

Кэролайн наконец возвращалась домой.

– Я рада помочь тебе с переездом, – сказала я ей. – Сделаю все, что надо.

– Спасибо, Фи, – ответила Кэролайн.

Мы говорили по телефону, Кэролайн из Остина, а я из своей квартирки в Куинсе, которую делила с Джинджи и Бет, своими подругами из Вассара, и с третьей, Умани, которую мы нашли по объявлению в Крейгслисте. Мне было двадцать семь, я работала помощником редактора в экологическом НПО, которое называлось «Почувствуй климат!». Это прекрасно звучало на званных обедах, но на деле было не многим больше, чем исправление дурацких опечаток за моим боссом, которого звали доктор Гомер Гошен, и написание время от времени заумного пресс-релиза. Но поэтому и потому, что в час мне платили чуть меньше, чем подростку, подрабатывающему бебиситтером, я чувствовала себя вправе регулярно брать отгулы, сказавшись больной. Гомер безотказно разрешал. *«Надеюсь, лодыжка скоро заживет»*, – говорил он по телефону или: *«Должно быть, гадкий вирус»*. При этих словах меня всегда пронизывало чувство вины, впрочем, редко настолько сильное, чтобы заставить пойти на работу.

– От Козлов никакого толку, – продолжала Кэролайн. – Никто не может приехать, даже на пару часов. Они все страшно заняты: то женятся, то заканчивают диссертацию, то еще что-то. Эмили тут участвовала в нью-йоркской Неделе моды, Нони тебе говорила?

Эмили была второй сестрой Натана, недавно окончила нью-йоркский колледж дизайна и специализировалась на изготовлении одежды из пищевых продуктов.

– Нет, не говорила, – ответила я, хотя Нони как раз говорила. – Трудно уследить за всеми достижениями этих Даффи. – Я слышала в телефонной трубке, как одна из близнецов поет дурацкую песню, а Луис кричит: «Мам, где мой гобой?»

– Я так рада, что ты возвращаешься на восток, Кэролайн, – сказала я.

– Господи, а я-то как. – Наступила приглушенная пауза, пока она ответила Луису, и потом снова: – И, Фиона, нам надо поговорить о Джо.

– Конечно. – Я была с похмелья и ела чипсы прямо из пакета. Слизав соль с пальцев, я продолжила: – Ну да, Джо.

Затем мы еще поговорили о прилете самолетов и расписании поездов, и потом я повесила трубку.

Я не особо размышляла, почему Кэролайн вспомнила о нашем брате. Это было за неделю до празднования помолвки Джо, и я решила, что она хочет обсудить предстоящую свадьбу. Джо собирался жениться на Сандрин Кейхилл, пепельной блондинке, которая работала закуп-

щиком аксессуаров в «Барниз». Сандрин выросла в пригороде Чикаго и была единственным ребенком в семье промышленников со Среднего Запада, которые владели производством чего-то такого распространенного и скучного, типа бумаги для компьютеров или автомобильных запчастей. Она выросла при вполне достойных деньгах, и сама успешно работала над их приумножением, но все равно в ее стремлении к лучшей жизни было что-то безжалостное. Она хотела признания, хотела, чтобы вы обязательно знали, чем она обладает: креслом в первом ряду у Марка Джейкобса, безупречным прессом, позицией в Младшей лиге, заказом столика в «Нобу». Я терпеть ее не могла, и Рене тоже, но Кэролайн, вечная оптимистка, была убеждена, что наше мнение предвзято. Как ни странно, Нони тоже относилась к ней вполне терпимо. Думаю, наша мать втайне восхищалась Сандрин за ее коллекцию достижений, даже когда эта помолвка расстроилась. Я не могла избавиться от ощущения, что Нони постоянно сравнивает нас: если бы Фиона была такой целеустремленной, чего бы она только смогла достичь...

Во вторник утром я села на Центральном вокзале в поезд, следующий сквозь городскую суету и низкие серые предместья, мимо пригородных владений и дальше по зеленым просторам в мелкие городки среднего и рабочего классов типа Данбери, Вудбери и Хэмдена.

Кэролайн в красном пальто махала мне с платформы.

– Ой, какая ты тощая, – сказала она, когда мы обнялись, и это не было ни комплиментом, ни осуждением.

С тех пор, как мы виделись на прошлое Рождество, я сбросила девять килограммов, а сейчас был октябрь.

– погоди, сейчас увидишь дом, – говорила она. – Он так похож на крепость. Думаю, это он. Наш настоящий дом. – Она подмигнула.

Этот настоящий дом годами был ее черным лебедем, голубой мечтой. После смены трех домов, от Миссисипи до Огайо, Кэролайн уже начала говорить, что ее разговоры о настоящем доме примерно то же, что разговоры первоклашек о зубной фее. Существует ли он? Увидит ли она его когда-нибудь?

Мы проехали на машине вдоль железнодорожных путей, вдоль ряда обшарпанных домиков, сквозь полупустой центр Хэмдена, мимо зеленой территории колледжа и спортивного поля и въехали в соседний поселок, где в беспорядочно стоящих старых домах с плакатами КЕРРИ ЭДВАРДС, воткнутыми на каждой лужайке, жили профессора. Кэролайн, вглядываясь в номера домов, то разгонялась, то тормозила. Стояло позднее утро солнечного прохладного дня, деревья были покрыты ярко-оранжевыми листьями. Хэмден очень напоминал мне Бексли: те же дощатые домики, тротуары, изрытые корнями деревьев, те же тыквы с зубастыми мордами. На тротуаре толстая девочка в розовой куртке с плотными, круглыми, как бревна, ногами лениво пинала кучу листьев. Когда мы проезжали мимо нее, я почувствовала внутри боль не от горя или ностальгии, а от чего-то среднего между ними.

– Вот он, – наконец сказала Кэролайн, въезжая в короткий проезд, засыпанный гравием.

Двор настоящего дома Кэролайн был покрыт неубранными отсыревшими листьями и весь зарос одичавшим кустарником. Упавший ствол дерева размером с машину. Боковая клумба с засохшими бурыми ноготками. Застрявший в кустах белый полиэтиленовый пакет развевался на ветру. Кэролайн смотрела на все это, ничего не говоря, лишь поворачивая голову и осматривая хозяйство.

Дом был бледно-лиловым с желтой отделкой, краска поблекла и облупилась. На крутой крыше там и сям росли клочки зеленого мха, а передние ступеньки были серыми, просевшими от времени. Но сам дом был большим, настоящим викторианским, с высокими окнами, островерхой крышей и, что было лучше всего, круглым строением вроде башенки с собственной острой крышей, торчащей со второго этажа.

– Прямо как замок, – повернулась ко мне Кэролайн, жадно, как щенок, ожидая моего одобрения.

Я никогда не видела у нее такого выражения лица. Когда Кэролайн уехала из Бексли, я была совсем юной, а с тех пор она всегда жила далеко. Все эти умные светловолосые Козлы так захватили нашу Кэролайн, что я с неодобрением осознала это лишь много лет спустя. Они помогали ей во время беременностей и родов. Они советовали, какую машину покупать, будет ли школа Монтессори хороша для Луиса, нужно ли делать близнецам прививки от туберкулеза. Она позволила увлечь себя в клан Даффи, и кто мог ее осуждать? Бодрые, яркие родители, куча родственников, семейные игры в футбол на Благодарение. Нас, Скиннеров, было слишком мало, и мы были чересчур сложными, чтобы конкурировать со всей этой фотогеничной дружественной массой.

Но теперь она была тут. Слегка пересушенные самолетным воздухом волосы, красное пальто, слишком легкое для прохладного дня. Она прилетела в аэропорт Кеннеди в пять пятнадцать утра и весь день добиралась до дома, который до того видела только на фотографиях.

– Точно, Кэролайн, – сказала я, улыбаясь. – Это замок.

Мы отперли входную дверь и вошли в сырой, пронизывающий холод. Я поежилась. Мы стояли у подножия широкой лестницы, которая вела в темноту. Слева от нас была голая, пустая гостиная с закопченным сажей камином в дальней стене, который зиял на нас темной угрожающей раной. Всюду лежала пыль, по углам комнаты хрустело что-то коричневое и сухое. Пахло плесенью и чем-то еще, душным, мускусным, животным.

Кэролайн уронила на пол сумку со средствами для уборки.

– Думаю, нам не помешает помощь, – сказала я. – Что там у Рене с Джо?

– Рене взяла дополнительные дежурства, – монотонно ответила Кэролайн. – Как будто хирургической практики было мало. А Джо... Не знаю. Я его не спрашивала. – Последние слова она произнесла неразборчиво, удаляясь от меня в тусклую глубину дома.

Мы шли из комнаты в комнату. Слышны были только наши глухие шаги и время от времени резкие вдохи, которые делала Кэролайн, обнаружив очередную грязь или разрушение. На кухне были старый белый холодильник с длинной серебряной ручкой вдоль всего корпуса и кладовка, полки которой были застелены промасленной бумагой, воняющей старым беконом и аммиаком. В холле мы обнаружили небольшую ванну с непередаваемым туалетом. В столовой с потолка свисали, как канделябры, гроздь паутин.

Мы обошли круг и снова вернулись в гостиную.

– Кэролайн, а колледж не может найти для вас другой дом? – осторожно спросила я.

Натан с детьми должен был прилететь из Остина через два дня.

– Нет, этот был единственный, – ответила она. – Он сдается в аренду до покупки. Это то, что мы можем себе позволить. – Глаза ее горели. – И он мне нравится. Он прекрасный. Эти огромные окна. Натуральные полы. – Она ковырнула ногой пол, и там под грязью мелькнуло темное, зернистое дерево. – Давай начнем.

И мы начали уборку, взяв щетки, бумажные полотенца и чистящие жидкости и надев жуткие желтые перчатки и эти маленькие белые маски, которые ассоциировались у меня с азиатским гриппом и ипохондрией. Работая бок о бок, я осознала, как же здорово, что она снова тут. Я скучала по Кэролайн как таковой, но еще больше мне недоставало самой идеи нас, всех четверых Скиннеров, вместе. Она была выпавшим кусочком пазла взросления, который я годами пыталась найти и вставить на место тут, в Нью-Йорке, с Джо и Рене. Теперь я смогу стать для детей Кэролайн придурочной тетушкой, смогу водить их на выставки и вечера поэзии в городе, учить их ругаться и покупать сласти. Рене станет их ролевой моделью, покажет, как надо работать и преуспевать, и будет профессионально лечить им разбитые коленки. А дядя Джо будет учить их дурацким шуткам, покупать на день рождения навороченную электронику, обучать бросать и ловить. Джо продолжал любить бейсбол, хотя и не играл больше, и, кто знает, может, у Луиса окажется талант. Тут, в Хэмдене, Кэролайн станет устраивать семейные

обеда, где мы будем собираться все вместе, пить, произносить тосты, есть пироги и играть в «Скрэббл». Наконец мы станем родными, которые выросли и больше не дети.

Я мечтала обо всем этом, отдирая жесткой пластиковой щеткой присохшее нечто в одном из углов кухни, когда Кэролайн, стянув свою бумажную маску, вдруг спросила:

– Фиона, а когда ты в последний раз видела Джо?

Я приподнялась.

– Ну, я... – Я попыталась вспомнить, когда же я в последний раз видела брата. Это было по меньшей мере месяц назад. Какое-то французское место с плетеными стульями, накрахмаленные салфетки в одиннадцать утра. Сандрин тоже была там. – Мы встречались на бранч, – сказала я Кэролайн. – Я точно не помню, когда. Он так занят работой и всеми свадебными делами.

– А ты ничего не заметила? Ну, что с ним что-то не так?

Я попыталась вспомнить подробности того утра. Они опоздали, оба были с похмелья, такие худые и страшно гламурные. Попросили меня написать стихотворение в честь их помолвки, чтобы прочесть его на церемонии, которая должна состояться через неделю, и я согласилась. Я была польщена и тут же начала нервничать. Что, если им не понравится? Я же никогда раньше не писала стихов о любви.

Я рассказала Кэролайн о стихотворении для Джо и Сандрин. Я взяла его с собой в Хэмпден, надеясь, что смогу устроить сестре предварительное чтение. Но Кэролайн не заинтересовалась.

– Фиона. Мы говорим про *Джо*, – напомнила она. – Как он тебе показался?

– Да нормально, – ответила я. – Похудел слегка, но он так много работает. Ты же знаешь.

– Рене беспокоится о нем. Он заходил к ней пару недель назад по поводу проблем с сердцембиением. Она думает, мы должны поговорить с ним. Все вместе.

– Сердцебиение... – начала я, но тут мы услышали шум наверху, звериный писк на высокой ноте.

У нас над головой раздался скрип полов, прошедший от одной стороны комнаты до другой. Потом все стихло.

– Что это было? – прошептала Кэролайн.

– Ничего страшного, – сказала я. – Я пойду посмотрю.

Я все еще помнила ночные кошмары Кэролайн и темные следы бессонных ночей у нее под глазами.

Но Кэролайн покачала головой:

– Нет, пойдем вместе.

Став взрослой, Кэролайн поверила в то, что Нони говорила нам насчет независимости, силы и надежды только на себя. Больше всего на свете Кэролайн не хотелось бы разочаровать нашу мать. Но воплотить уроки Нони в жизнь было для Кэролайн труднее, чем для всех нас. Она ничем не могла впечатлить Нони. Давно стало ясно, что самыми впечатляющими из нас были Джо с Рене, и по этому поводу Кэролайн могла только испытывать определенные зависть и обиду, но также и глубоко скрытое облегчение.

Кэролайн оставалось только попытаться удивить мать. И ей это удалось.

Следуя за Натаном по всем его летним исследовательским экспедициям и гостевым преподавательским позициям, Кэролайн не бросала учебу. Она изучала антропологию, историю, историю искусств, биологию, испанский язык, театр. С каждым переездом перевод и пересчет набранных баллов все усложнялся, администрация становилась все раздражительнее, а путь к получению степени все труднее. Но Кэролайн не бросала. Она не была звездой в смысле успеваемости, ее полочку не украшали кубки за отличие, но наша мать ценила упорство.

Но однажды, еще в Кентукки, она забеременела. Ей было двадцать один год. У Натана шел третий год диссертационного исследования тропических лягушек Центральной Америки.

В их съемном домишке целая комната была отдана под несколько пластиковых детских бассейнов, соединенных сложной системой фильтров, насосов и освещающих ламп, температура в которых поддерживалась строго на тридцати трех с половиной градусах. Эту экосистему населяли болотные растения, идентичные для тропического климата, и восемь крошечных панамских золотистых лягушек.

В день, когда Кэролайн окончательно разочаровала Нони, она оставила Натана дома с лягушками, склоненного над бассейном с блокнотом в руках. Когда она поцеловала его в щеку, он кивнул с отсутствующим видом. Кэролайн в очередной раз опаздывала на урок. Этот – курс по древнекитайской керамике – проводился с другой стороны большой лужайки, на вершине невысокого, но крутого холма, за тяжелой дверью, в помещении, которое выглядело как медицинская приемная или накопитель в аэропорту: бело-серо-коричневая, полная обвисших на стульях, зевающих людей.

На седьмом месяце беременности Кэролайн ощущала себя огромной, как виолончель. Слегка запыхавшись, с пылающим лицом, она толкнула тяжелую дверь класса. Преподаватель поднял на нее взгляд, после чего отвел глаза с характерной гримасой. Кэролайн, хоть и знала, что ей совершенно нечего стыдиться, почувствовала неловкость. За то, что опоздала на занятие, что была замужем и беременна, что устала и хотела спать, что была такой, какая есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.